

Происхождение «регулярного государства» Петра Великого

С.А. Нефедов

Споры о реформах Петра Великого, начавшиеся вскоре после смерти преобразователя, продолжают по сей день. Две крайние позиции в этих спорах обозначены классическими работами П.Н. Милюкова и С.М. Соловьева. Как известно, Милюков отказывался называть деятельность Петра преобразовательной, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу»¹. Соловьев, напротив, писал, что «история ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования»². Именно так представляли деяния Петра его современники, их дети и внуки. «Задолго до Соловьева всеобщим стало мнение о том, что деятельность Петра и ее результаты были порождением почти сверхчеловеческого разума», — отмечает Х. Баггер³.

Что же хотел создать Петр Великий? М.М. Богословский писал, что идеалом преобразователя было государство, которое регулирует всю общественную жизнь в целях достижения «всеобщего блага» — «регулярное государство»⁴. Некоторые современные историки отождествляют «регулярное государство» и государственный социализм⁵, однако вернее будет придерживаться терминологии XVIII века. Концепция «регулярного государства» была новой для того времени, ее разрабатывали знаменитые философы Самуил Пуфендорф, Готфрид Лейбниц, Христиан Вольф. Петр не раз встречался с Лейбницем, состоял в переписке с Вольфом и участвовал в переводе трудов Пуфендорфа; он знал эти труды так хорошо, что переводивший их ученый монах Гавриил Бужинский называл царя «российским Пуфендорфом»⁶. По словам Б.И. Сыромятникова, Петр всецело уверовал в спасительную силу «регулярного государства», в то, что Лоренц фон Штейн назвал «машиной для производства счастья народов»⁷.

В чем же заключалась концепция «регулярного государства»? Был ли это философский фантом, или такие государства действительно существовали в истории? Копировал ли Петр какой-то конкретный образец, или же пытался претворить в жизнь абстрактную теорию? Разрабатывавший эту теорию Х. Вольф в 1721 г., выступая перед профессорами университета в Галле, неожиданно для всех заявил, что в Китае уже давно придерживаются этих принципов управления, что — как он узнал из переводов конфуцианских ка-

Нефедов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

нонов — его учение в общих чертах совпадает с традиционной конфуцианской доктриной. Речь Вольфа вызвала возмущение университетских теологов, и по их настоянию король Фридрих Вильгельм I предписал Вольфу покинуть Пруссию. Петр I предложил изгнанному ученому пост президента создававшейся Санкт-Петербургской академии, но Вольф не поехал в холодную Россию — хотя он очень уважал Петра и называл его «монархом-философом»⁸.

Сходство теоретических принципов Вольфа с конфуцианским учением состояло прежде всего в примате системы государственного регулирования, в государственных монополиях, во всеобщей регламентации, в строгой и отлаженной бюрократической системе, в основании которой лежал принцип продвижения по заслугам. В те времена высшие должности обычно были достоянием аристократии, и, например, во Франции и Пруссии офицером мог быть лишь потомственный дворянин, поэтому идеи Вольфа не могли получить сочувствия у знати. Но Петр поддерживал эти идеи и в 1722 г. утвердил «Табель о рангах», согласно которой повысить в чине можно было только за заслуги, независимо от происхождения. «Однако ж мы для того никому какова ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут», — гласила 8-я статья «Табели».

«Табель о рангах» уравнивала дворян и простолюдинов, что было неслыханным как для России, так и для большинства европейских государств. С.М. Троицкий в объяснение появления 8-й статьи приводил в качестве аналога «Королевское прусское учреждение о степени» 1705 года. В русском переводе этого регламента, который использовался при разработке «Табели о рангах», говорится, что «все наши служители, хотя они суть не шляхетные или высшего происхождения, только по чинам, которые от нас имеют, достоинство и установленную степень в явных и особливых собраниях по порядку, како мы учредили, держать должны»⁹. Однако легко видеть, что в прусском регламенте речь идет лишь о соблюдении рангов в чиновных собраниях, а не о присвоении рангов независимо от происхождения.

Восьмая статья «Табели о рангах» — это не единственная «революционная» статья, происхождение которой вызывает вопросы. То же самое можно сказать об 11-й статье, которая дает дворянство простолюдинам, выслужившим самый низший ранговый чин, чин секретаря или прапорщика. Как и 8-я статья, по своему эгалитарному характеру эта статья не имеет аналогов в регламентах других государств. Не имеют аналогов и многие другие законы, в частности, постановления, касающиеся экономического регулирования. Не имеет прецедентов «главный» закон Петра I — «Генеральный регламент».

Следует ли отсюда, что в своей деятельности Петр I пытался реализовать некий отвлеченный философский проект — проект «регулярного государства», в котором абстрактные идеи о «всеобщем благе» смешались с конфуцианскими идеалами? Или все же царь имел перед глазами европейский образец — образец, с которого он брал пример? Существовало ли в Европе начала XVIII в. «регулярное государство»? И если существовало, то каким образом оно возникло?

Для того, чтобы исследовать эту проблему, необходимо сначала коснуться более общего вопроса о закономерностях эволюции государств в новое время. В 1960-х годах М. Робертс предложил так называемую теорию «военной революции»¹⁰. Согласно этой теории, причиной социально-политической трансформации государств являлись революционные изменения в военных технологиях. Для средних веков было характерно военное преобладание рыцарской кавалерии; рыцарь, который был господином на поле боя, был господином и в обыденной жизни — это порождало сеньориальную систему и феодализм¹¹. С появлением огнестрельного оружия начался закат эпохи рыцарской кавалерии; дворяне-рыцари утратили свое военное превосходство, что означало неизбеж-

ное крушение феодального режима. В середине XVI в. на поле боя господствовали массы пехоты, организованные в баталии и терции: по периметру терции стояли мушкетеры, а внутри — пикинеры. Приближаясь к противнику, мушкетеры производили несколько залпов, а затем уступали место пикинерам, которые шли в атаку, выставив пятиметровые пики. На смену анархичным рыцарям пришла сложная военная машина, где все зависело от слаженности и дисциплины, «Строгая дисциплина и механическая тренировка, требуемые новой... тактикой, согласовывались с тенденцией эпохи к абсолютизму, — отмечал Робертс. — Она наводила на мысль, что дисциплина, дающая успех в бою, могла дать положительные результаты в применении к гражданскому обществу. Правитель все более и более ассоциировался с главнокомандующим, и из новой дисциплины и обучения рождалось не только самодержавие, но и тот особый тип монарха, который предпочитал называть себя *Kriegsherr* ¹²».

Механизм перехода к абсолютизму на примере некоторых европейских государств был проанализирован в известной работе Б. Даунинга. Создание новой армии требовало больших финансовых затрат и введения новых налогов, что вызывало сопротивление сословных собраний, парламентов и штатов. Дворянство, господствовавшее в этих собраниях, понимало, что оно теряет не только доходы, но и лишается своей военной опоры, рыцарского ополчения. Однако дворяне-рыцари ничего не могли противопоставить новой военной силе, и подчинявшаяся монарху-полководцу (*Kriegsherr*) дисциплинированная армия расчищала ему дорогу к абсолютизму. Монарх-полководец, естественно, стремился переделать все общество по образцу своей армии, учредить для граждан уставы и регламенты и заставить все государство маршировать как один батальон. Новая военная монархия заботилась прежде всего о военной мощи государства; для этого она сосредоточивала в своих руках финансы, налаживала строгий учет и контроль, увеличивала налоги и стремилась поднять доходы путем развития промышленности и торговли. Итогом «военной революции» было становление режима, который Даунинг назвал «*военно-бюрократическим абсолютизмом*» ¹³.

Вследствие своей аморфности понятие абсолютизма в последнее время стало подвергаться критике; в частности, Н. Хеншелл в работе «Миф абсолютизма» утверждал, что в действительности абсолютизм во многих случаях лишь маскировал реальную власть дворянской элиты. Военно-бюрократический абсолютизм не относится к числу таких случаев: как следует из модели Даунинга, он появляется в результате конфликта между монархией и дворянством. По мнению Хеншелла, этот конфликт может принимать такие масштабы, что, например, в Швеции, «дворянство стало жертвой абсолютизма» ¹⁴. Таким образом, военно-бюрократический абсолютизм — это отнюдь не миф, это особая разновидность абсолютизма, и его нельзя путать с другими автократическими режимами.

Разумеется, путь к военно-бюрократическому абсолютизму не был прямолинейным; эволюция совершалась методом проб и ошибок; естественный отбор благоприятствовал тем государствам, которые наиболее эффективно использовали новые военные технологии. Сторонники теории диффузионизма утверждают, что фундаментальные нововведения вызывают волны завоеваний: государства, которые первыми овладевают новым оружием, используют свое преимущество для военной экспансии. Страны, находящиеся перед фронтом наступления, вынуждены спешно заимствовать оружие завоевателей и те социальные порядки, которые обеспечивают его эффективное применение. Вместе с этими порядками заимствуются и другие элементы культуры, и таким образом появляется «культурный круг», область распространения данного технического достижения и сопутствующих социальных и культурных явлений.

Такова одна из схем, объясняющих возникновение и распространение военно-бюрократического абсолютизма. Однако очевидно, что военно-бюрократическое государство Робертса отнюдь не тождественно «регулярному государству» Пуфендорфа. Главное отличие кроется в той самой 8-й статье «Табели о рангах»: военная монархия не обязана быть эгалитарной и заботиться о «всеобщем благе». Прусская военная монархия, наоборот, была построена на началах строгой сословности. Таким образом, данная схема не отвечает на вопрос о том, как появилась «военная монархия» и каким образом она трансформировалась в «регулярное государство» (если такая трансформация действительно имела место).

Робертс датировал первый этап «военной революции» реформами Морица Нассау, штатгальтера Нидерландов в 1585—1625 годах. В этот период Нидерланды, отстаивая свою независимость, вели тяжелую борьбу с Испанией, и Мориц Нассау противопоставил испанским терциям новую военную тактику. При этой тактике мушкетеры строились в 8—10 шеренг, первая шеренга стреляла залпом, разворачивалась и уходила сквозь проходы в других шеренгах, чтобы встать позади них (это называлось «контрмарш»). Пока другие шеренги стреляли и совершали контрмарш, первая шеренга перезаряжала свои мушкеты; эта операция была разделена на 42 «темпа» и проводилась солдатами синхронно под команды офицеров. Время было рассчитано так, что на последнем такте шеренга вновь стояла перед противником; она делала залп и снова уходила в тыл¹⁵.

Новая тактика требовала согласованности действий и железной дисциплины. Офицеры должны были не только командовать «темпы», но и следить, чтобы совершавшие контрмарш солдаты не бежали с поля боя. Чтобы уменьшить риск бегства, Мориц ограничил использование немецких наемников и предпочитал набирать в полки местных уроженцев, по большей части кальвинистов. В своей борьбе с католиками кальвинисты выработали навыки самодисциплины; члены кальвинистской общины отвечали за поведение своих товарищей как в мирной жизни, так и на поле боя¹⁶. Требовалось также улучшить профессиональную подготовку офицеров; с этой целью кузен Морица, Иоганн Нассау, в 1616 г. создал первое офицерское училище, «Schola Militaris»; курс обучения в этом училище занимал полгода¹⁷.

Тактика Морица требовала, чтобы солдаты имели одинаковые мушкеты, и Соединенным провинциям понадобилось перевооружить свои войска; это было сопряжено с большими финансовыми затратами. Война с могущественной Испанией ложилась на молодую республику тяжелым бременем — в особенности после того, как к обычным военным расходам прибавились расходы на реформу. В 1575—1610 гг. налоговые платежи в расчете на душу населения возросли примерно в шесть раз¹⁸. Большую часть дохода давали акцизы, но существовал также налог на землю и здания, а в некоторых провинциях — подоходный налог. Небольшие размеры страны и бухгалтерские навыки купцов позволяли проводить кадастры и вести учет имущества; финансовые дела центрального правительства были сосредоточены в бюджетно-контрольной коллегии «Generaliteits Rekenkamer»¹⁹. Помимо увеличения компетентности, коллегиальное принятие решений позволяло уменьшить коррупцию и патернализм.

Таким образом, в соответствии с теорией «военной революции», реформа Морица Нассау вызвала резкий рост военных расходов, увеличение налогов и создание совершенного финансово-бюрократического аппарата. В соответствии с теорией, Мориц стремился к расширению своей власти и жестоко расправлялся с противниками, но эти абсолютистские тенденции встретили ожесточенное сопротивление правящей купеческой олигархии. Соединенные провинции резко отличались от других государств Европы: это была купеческая республика, которая жила морской торговлей. Подобно тому, как «военная революция»

породила военную монархию, купеческая республика была порождением «морской революции»; эта великая технологическая революция ознаменовалась созданием океанских морских судов, каравелл, галеонов и флейтов. Флейт был голландским изобретением, этот корабль имел штурвал и составные мачты с совершенным парусным вооружением; он был намного более быстроходным и маневренным, чем каравеллы и галеоны. Флейт подарил Голландии господство на морях, и купеческая республика захватила монополию посреднической морской торговли. Огромные торговые прибыли определяли всю жизнь Нидерландов, и власть принадлежала тому, кому принадлежали эти прибыли, — купеческой олигархии. Дворянство, которое господствовало в других странах Европы, в Нидерландах не имело ни денег, ни привилегий. Даже обладая дисциплинированной армией, монарх или военный диктатор не мог отнять у купцов их капиталы, потому что источники прибыли находились за морями, на неподвластных ему территориях. Контролируя финансы, олигархия не только не допускала Морица к абсолютной власти, но и не позволяла ему вести политику завоеваний: купцы не нуждались в приращении территорий, их экономические интересы лежали на морях и далеко за морями. Бургомистр Амстердама К. Хуфт выразил эту политическую доктрину в отточенной фразе: «Наша власть и интерес состоит в *Impregium maris* и международной торговле»²⁰.

Огромные прибыли от голландской посреднической торговли создали избыток капиталов, и эти капиталы искали применения в других сферах, в том числе в мануфактурной промышленности. Капиталы вкладывались в новую технику, в образование, в университеты и в науку — Голландия была главным научно-технологическим центром Европы. В поисках новых прибылей голландские предприниматели строили мануфактуры в других странах, в том числе в Швеции, Дании и России; они приносили с собой новые технологии и таким образом способствовали распространению голландского культурного круга²¹. Отличительными элементами этого культурного круга были океанские корабли, морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере — правление купеческой олигархии и равенство сословий. В Европе распространение голландских нововведений приняло в основном характер мирной диффузии. Почти каждое европейское государство стремилось по голландскому образцу завести свой флот, основать торговые компании и вступить в торговлю с дальними странами — и конечно, без корыстных голландских посредников. Министр Людовика XIV Ж.-Б. Кольбер создал французский флот и, перенимая голландские технологии, построил сотни мануфактур. Кольбер пытался заимствовать и голландскую науку, он создал Парижскую академию наук и пригласил из Голландии знаменитого Х. Гюйгенса — но когда начались гонения на протестантов, Гюйгенс вернулся на родину. После смерти Кольбера Людовик XIV почти перестал заботиться о науках и мануфактурах; он был также уверен, что его великой державе нет нужды что-то заимствовать на стороне.

Распространение военных новшеств Морица Нассау поначалу замыкалось в рамках расширения голландского культурного круга. После того как в 1600 г. армия Морица разгромила дотоле непобедимые испанские терции в битве при Ньюпорте, соседние государства стали поспешно перенимать новую тактику. Изданный в 1607 г. военный устав Иоганна Нассау²² был сразу же переведен на немецкий, датский и французский языки. Мориц и Иоганн стремились научить новой тактике своих протестантских союзников, и голландские офицеры обучали солдат в Бадене, Гессене, Саксонии, Вюртемберге, Бранденбурге²³.

Особое место в планах братьев Нассау занимала протестантская Швеция. Молодой шведский король Густав II Адольф получил первоначальные сведения о новой тактике от своего наставника Йохана Скитте. В 1620—1621 гг. король, сохраняя инкогнито, под именем «капитана Гирса» предпринял поездку в Гер-

манию, где ознакомился с военными реформами в протестантских княжествах. Его путешествие завершилось встречей с Иоганном Нассау в Гейдельберге — результатом этого визита было появление первого шведского военного устава, «Воинского артикула»²⁴.

Густав Адольф продолжил дело Морица, при этом шведские военные реформы стали началом второго этапа «военной революции». Как известно, в процессе распространения фундаментальных военных новшеств копируется не только военная технология, но и военная инфраструктура, которая является частью социально-экономической системы. Реформы такого рода приводят к глубоким общественным, политическим и экономическим преобразованиям — поэтому необходим краткий анализ социоэкономической ситуации в Швеции до и после реформ.

Географическое положение Швеции, страны на краю Европы, обусловило особый характер развития этой страны. Швеции процесс распространения рыцарской кавалерии достиг сравнительно поздно; сеньориальная система и феодализм распространялись здесь лишь с XIV века. В то время как на континенте дворяне постепенно избавились от обязанности рыцарской службы и превратились в помещиков, в Швеции этот процесс не получил завершения, и по старой традиции в рыцарское сословие («фрельсе») мог записаться любой зажиточный бонд, пожелавший вместо уплаты налогов исполнять конную службу. Крестьяне сохраняли право носить оружие, и в случае войны их призывали в ополчение; вместе с дворянами, духовенством и бюргерами они посылали своих представителей в четырехсословный парламент, риксдаг. В начале XVI в. половина обрабатываемой земли (52%) принадлежала крестьянам, доли дворян и церкви были равны — по 21%; 6% приходилось на долю короля²⁵. В ходе реформации король Густав Ваза (1523—1560) отнял земли у церкви, и доминирующий сектор экономики, таким образом, значительно расширился. Густав Ваза, энергично используя методы государственного регулирования, создавал мануфактуры, вел обширную торговлю и, случалось, даже предписывал крестьянам время сельскохозяйственных работ. Были составлены земельные кадастры и установлены точные размеры податей (некоторые из них еще имели продуктивную форму)²⁶.

Своими административными и финансовыми успехами Густав Ваза был обязан приглашенным им немецким чиновникам во главе с канцлером Конрадом фон Пюхю. Пюхю реорганизовал финансовое ведомство, придал ему коллегиальный характер и наладил строгий учет доходов и расходов. В отличие от многих других стран, в Швеции проводились земельные кадастры и в провинциальных земельных книгах относительно каждой крестьянской фермы имелись записи об имуществе фермера, арендной плате и уплачиваемых налогах. Как полагает Робертс, канцлер использовал в качестве образца немецкие и бургундские традиции (в состав Бургундии входили самоуправляющиеся города Фландрии и Нидерландов)²⁷.

Таким образом, в середине XVI в. Швеция представляла собой централизованное государство с сильной королевской властью, налаженной бюрократией и значительным государственным сектором экономики. При этом дворянство было относительно слабым, а крестьянство сохраняло свою свободу и пользовалось покровительством короля, заботившегося — как стали говорить позднее — о «всеобщем благе». «Всем хорошо известно, как по-христиански и доброжелательно мы за время нашего управления обращались со всеми вами и с нашим дорогим отечеством — так, как святой Моисей правил детьми Израиля», — писал Густав Ваза крестьянам Эланда²⁸.

В какой-то мере этот стиль патриархального правления «добротного короля» соответствовал идеальному образу «регулярного государства», однако траекто-

рия исторического развития была направлена в другую сторону. В Швеции наблюдались те же тенденции феодализации, что и в средневековой Европе. Во второй половине XVI в. шведское дворянство — по примеру дворянства Германии и Франции — пыталось освободиться от обязанности рыцарской службы и закрепить наследственный характер своих привилегий. При Юхане III (в 1569 г.) срок службы фрельсе был ограничен 14 днями, а при Карле IX неявки на воинские сборы приобрели массовый характер. Когда в 1623 г. было объявлено о созыве дворянского ополчения, на службу явилось только 200 рыцарей²⁹.

После смерти Карла IX в 1611 г. дворянство заставило юного Густава II Адольфа дать «королевское обещание» (*konungafdrakra*), согласно которому король должен был править вместе с Государственным советом (*риксродом*) и дворяне получили монополию на занятие всех высших должностей, причем эти должности сделались пожизненными. Канцлером стал граф Аксель Оксеншерна, стремившийся направить короля на путь завоеваний, которые дали бы добычу дворянству и примирили интересы монарха и аристократии³⁰. Со своей стороны, Нидерланды стремились привлечь протестантскую Швецию к общеевропейской войне между протестантами и католиками — и содействовали проведению военных реформ. При участии офицеров из *Schola Militaris* шведская армия была организована и обучена по образцу армии Морица Нассау³¹. Солдаты носили форму, маршировали в ногу, почти автоматически выполняли ружейные приемы и соблюдали строгую дисциплину. Как в Нидерландах, войска комплектовались по большей части местными уроженцами. Густав Адольф использовал существовавшую издавна обязанность крестьян поставлять солдат в ополчение, но эта повинность стала более тяжелой, чем прежде: в рекруты брали одного из 10 взрослых мужчин и срок службы составлял 20 лет³². К моменту высадки в Германии шведская армия насчитывала 72,5 тыс. солдат, из них 38 тыс. были шведами или финнами, а остальные — иностранными наемниками³³.

Это была огромная по тем временам армия, на содержание которой были мобилизованы все силы страны. Военная реформа 1620-х годов сопровождалась не только введением рекрутской повинности, но и резким повышением налогов. В 1624 г. был проведен земельный кадастр и все налоги преобразованы в единый поземельный налог, определяемый в зависимости от размеров посева и количества скота. Были введены новые акцизы, повышены пошлины в балтийских портах, печатались медные деньги с номинальной стоимостью. Государство вводило монополии на экспорт и производство отдельных товаров; особенно большие доходы давала медная монополия. В 1623—1632 гг. доходы государства увеличились с 2,5 до 6,5 млн. талеров. «Производство, торговля, потребление — все было объектом регулирования, — пишет Робертс, — каждый подданный рассматривался как шестеренка, функционирующая в назначенном месте большой государственной машины»³⁴.

Чтобы эффективно руководить этой мобилизационной экономикой, с участием нидерландских специалистов была преобразована система управления. Было учреждено пять коллегий-министерств, возглавляемых членами *риксрода*. Специальными регламентами устанавливались служебные чины, их обязанности, порядок подчинения, присяга при вступлении в должность и даже часы работы. В коллегиях был введен правильный документооборот, все заседания пунктуально протоколировались. У голландцев были заимствованы методы составления регулярных бюджетов и усовершенствованная бухгалтерия. Была введена также система ревизии и контроля, и, хотя высшие должности были закреплены за дворянством, для занятия постов требовалось образование и служебные навыки. В 1634 г. этот весьма совершенный по тому времени бюрократический аппарат был детально описан в так называемой «Форме

правления» — регламенте, который утверждал порядки управления регентов после смерти Густава Адольфа³⁵. Таким образом, в Швеции появилась «эффективная бюрократия», впоследствии послужившая образцом для других европейских государств³⁶.

Шведские историки называют государство Густава II Адольфа «военным государством»³⁷, и оно имеет много общего с «военной монархией» Робертса: с ее приматом военной мощи, государственным регулированием, строгим учетом и контролем, резким увеличением налогов. Однако шведское «военное государство» имело некоторые характерные голландские черты, проявлявшиеся и в устройстве коллегий, и в дисциплине и организации, и в военной технологии, которая была голландского происхождения. Главное его отличие от «военной монархии» Робертса заключалось в том, что Густав Адольф не был абсолютным монархом, он разделял власть над государством с аристократией и старался ублажить дворян титулами и пожалованиями коронных земель. После смерти Густава Адольфа Оксеншерн подвел итог его внутренней политики: «Покойный король не одобрял того, что старый Густав (Густав Ваза. — С.Н.) и другие короли стяжали все для короны и таким образом обедняли подданных, так что во времена Эрика и Юхана дворянин был вынужден влачить жалкое существование... И поэтому он дает своим подданным землю и делает их богатыми»³⁸. Разумеется, речь шла об обогащении дворянства — для крестьян политика «покойного короля» означала рекрутчину и огромный рост податей.

Военные реформы Густава Адольфа подразумевали создание военной промышленности. Первоначально король закупал оружие у нидерландских промышленников, а затем предоставил им льготы для создания местного производства в Швеции, располагавшей уникальными условиями для развития металлургии, включая богатые руды и леса, которые давали древесный уголь. Нидерландские капиталисты, такие как Луи де Геер, Антон Монье, Говерт Силенц, привлекали мастеров из Бельгии, строили доменные заводы и отливали пушки. Голландские предприниматели получали прибыль, продавая оружие в Нидерланды и в другие страны Европы. Это был процесс распространения голландского культурного круга, который наблюдался и в других странах Европы. Подражая голландцам, шведы стали строить океанские корабли; была создана «Компания южных морей» и основаны торговые фактории в Северной Америке и Африке³⁹.

Восприятие голландских металлургических технологий сыграло в истории Швеции революционную роль. Строительство оснащенных по последнему слову тогдашней техники литейных заводов открывало путь к дальнейшему совершенствованию. Существовавшая в начале XVII в. технология литья вынуждала делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Густав Адольф осознал, как важно улучшить качество литья для создания легкой полевой артиллерии. Были приглашены лучшие мастера из Германии и Бельгии; работы продолжались более десяти лет, и в конце концов в 1629 г. была создана легкая «полковая пушка», «regementsstycke»⁴⁰. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты: пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это было фундаментальное нововведение», — писал Робертс⁴¹.

Появление «полковой пушки» положило начало второго этапа «военной революции». Создание нового оружия вызвало волну шведских завоеваний: в своих походах шведская армия достигала Мюнхена, Франкфурта, Кракова и Полтавы. Война кормила сама себя, и грабеж завоеванных территорий приносил немалые доходы — в отдельные годы они на порядок превосходили обычные доходы бюджета⁴⁴. Шведское дворянство познакомилось с европейской роскошью, жившие ранее в бревенчатых избах дворяне строили великолепные

усадыбы, окруженные парками в немецком стиле⁴². После смерти Густава Адольфа, в правление королевы Кристины (1632—1654), стало проявляться французское влияние, выразившееся в основном внешне — в стремлении к роскоши и в придворных празднествах, требовавших больших средств. В малолетство Кристины власть оказалась в руках аристократического риксрода; его возглавлял Оксеншерна, который сохранял свое влияние до конца правления королевы. Оксеншерна не мог долгое время продолжать политику военной мобилизации, проводимую Густавом Адольфом: после смерти короля риксдаг потребовал уменьшить налоги и правительство было вынуждено пойти на частичные уступки⁴³. Получаемые из Германии военные контрибуции позволили не только уменьшить налоги, но и сократить набор рекрутов, заменив их немецкими наемниками. Но денег все же не хватало, поэтому аристократическое правительство продолжило распродажу и раздачу дворянам коронных земель, которая началась еще при Густаве Адольфе; оно вознаграждало землями воевавших в Германии офицеров. Одновременно было роздано большое количество баронских и графских титулов, а общее количество дворянских родов удвоилось. К середине XVII в. в руках дворянства находилось 2/3 земель Швеции и, поскольку земли дворянских поместий освобождались от налогов, то правительство утратило значительную часть доходов⁴⁴. По существу, это означало ширококомасштабную приватизацию государственного сектора и демонтаж созданного Густавом Адольфом «военного государства».

Для простого народа война означала прежде всего чрезвычайные налоги и рекрутчину. На риксдаге 1650 г. неблагородные сословия обратились с ходатайством к королеве Кристине; депутаты жаловались, что для войны жертвовали всем, но всю выгоду присвоили немногие, «как будто мы боролись за них, а не за интересы родины». После заключения в 1648 г. Вестфальского мира уже не поступала военная добыча, поэтому армия должна была содержаться за счет налогов. Между тем в результате «приватизации» обыкновенные доходы казны уменьшились, и правительство пыталось ввести новые налоги. Неблагородные сословия протестовали, они требовали проведения «редукции» — возврата короне присвоенных дворянством земель. На риксдаге 1655 г. при поддержке нового короля Карла X Густава было принято решение о возвращении короне четвертой части земель, розданных после 1632 года. Однако проведение этой «четвертной редукции» было вскоре приостановлено: Карл X отправился на войну с Польшей; так же как Густав Адольф, новый король пытался решить все проблемы с помощью военных контрибуций⁴⁵.

Шведские завоевания П. Андерсон назвал «шоком, сформировавшим восточный (восточноевропейский. — С.Н.) абсолютизм»⁴⁶. Действительно, согласно концепции диффузионизма волна завоеваний, казалось бы, должна была заставить страны Восточной Европы не только перенимать шведскую военную технологию, но и копировать принципы шведского «военного государства», создавая шведский «культурный круг». Однако абсолютизм не был исходным элементом этого культурного круга, шведское «военное государство» управлялось на основе конституции, «королевского обещания», и ни Густав Адольф, ни Карл Густав не обладали абсолютной властью. Откуда же взялся «восточный абсолютизм»?

Первый удар шведской завоевательной волны пришелся на северогерманские княжества, которые стали полем боя враждующих армий. В 1638 г. шведский главнокомандующий Ю. Банер докладывал канцлеру Оксеншерне, что после прохождения его войск в некоторых районах не осталось ничего, кроме «песка и воздуха», потому что все «разорено и снесено с лица земли». Под 1637—1639 гг. в хронике Бранденбурга записано: «При неурожаях бедствия стали страшными. Местные жители и солдаты пожирали кошек, мышей, падаль и мертвецов»⁴⁷. После заключения Вестфальского мира основной задачей бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма (1640—1688) стало создание ар-

мии, способной защитить его владения. Были приглашены голландские и шведские инструкторы, которые обучали войска в соответствии с уставом Густава Адольфа; у шведов были позаимствованы знаменитые «полковые пушки»; командование войсками поручено генералу шведской службы Г. Дерфлингеру. Однако маленькая армия курфюрста состояла лишь из 5 тыс. солдат, и главная проблема состояла в отсутствии средств для ее увеличения⁴⁸.

Так же, как другие германские княжества, Бранденбург был сословной монархией, и налоги вотивались собранием сословий, ландтагом. Социальная структура курфюршества была наследием феодализма и рыцарского строя. Главную роль в ландтаге играли дворяне-рыцари, юнкеры, владевшие большей частью земель княжества. Пользуясь своей военной силой, дворяне-рыцари постепенно закрепощали крестьян, и в 1538 г. ландтаг запретил крестьянам покидать поместья без разрешения господ. Однако после Тридцатилетней войны проявилась нехватка рабочей силы, хозяева поместий переманивали крестьян, обещая им льготы, крепостное право зашаталось, и дворяне не могли увеличивать ренту крестьян. На ландтаге 1653 г. курфюрст пришел к соглашению с дворянством: он утвердил за юнкерами право неограниченно распоряжаться в своих поместьях, устанавливать размеры ренты, творить суд и расправу. Взамен ландтаг вотивовал на шесть лет сбор прямой подати, «контрибуции»; эту подать платили сельские и городские общины по разверстке⁴⁹.

«Контрибуция» позволила Фридриху Вильгельму создать 20-тысячную армию, вооруженную, среди прочего, и позаимствованными у шведов «полковыми пушками». Курфюрст выступал в роли ученика Густава Адольфа и полагал, что война решит все проблемы; в 1655 г. он присоединился к шведам в их нашествии на Польшу. Помимо славы и военной добычи, эта война обеспечила курфюрсту полную власть над Пруссией (которая прежде находилась в вассальной зависимости от Польши). Когда истек шестилетний срок, Фридрих Вильгельм продолжил собирать «контрибуцию» с помощью своих солдат, не обращая внимания на протесты сословий. Кенигсберг отказался платить налог, но возмущение было быстро подавлено; позже, в 1674 г., новое дворянско-бюргерское восстание закончилось казнью его руководителя, полковника Х. фон Калькштейна. В соответствии с теорией военной революции дисциплинированная армия расчищала монарху-полководцу дорогу к абсолютизму⁵⁰.

В 1667 г. Фридрих Вильгельм созвал ландтаг, чтобы ввести новый косвенный налог, «акциз». Так же, как «контрибуция», этот налог первоначально вводился на определенный срок, однако впоследствии курфюрст самовольно возобновил его сбор. Взыскивала налоги армия, в роли налоговых чиновников использовались военные, получившие отставку по ранению или болезни. Все управление было сосредоточено в Генеральном военном комиссариате; регулярные созовы ландтага прекратились. Военная монархия управляла страной военными методами⁵¹.

В конечном счете военные победы примирили Фридриха Вильгельма с его дворянством. В 1675 г. бранденбургская армия одержала победу над непобедимыми до тех пор шведами в сражении при Фербелине; за время правления «великого курфюрста» территория Бранденбурга-Пруссии увеличилась в полтора раза, а население — в два раза, с 750 тыс. до 1,5 миллиона⁵². Пройдя обучение в созданном королем кадетском корпусе, сыновья юнкеров становились офицерами победоносной армии и возвращались домой с военной добычей. Местное самоуправление осталось в руках дворянства, вдобавок юнкера получили полную власть над своими крестьянами; они увеличивали барщину, которая к концу столетия достигала шести дней в неделю. «Крестьяне Бранденбурга-Пруссии заплатили жестокую цену за создание военного государства Фридриха Вильгельма», — констатирует М. Шенан⁵³.

Свою цену заплатили и горожане-бюргеры. Дворяне не желали, чтобы их крестьяне тратили средства на уплату «акциза», поэтому новый налог платили только горожане; помимо того они же платили основную часть «контрибуции». Чтобы заставить бюргеров платить, к городским чиновникам были приставлены офицеры из Комиссариата. В конечном счете высокие налоги стали мешать развитию городов и торговли; число судов, приходивших в Кенигсберг, за время правления «великого курфюрста» уменьшилось вдвое⁵⁴.

«Военная революция» ознаменовалась огромным ростом военных расходов. При Фридрихе Вильгельме налоги возросли в несколько раз. Государственные доходы достигли 2,5 млн талеров; 2/5 от этих средств расходовалось на 25-тысячную армию. При Фридрихе I (1688—1713) доходы увеличились до 3,6 млн талеров, из них 2/3 расходовались на содержание регулярной армии в 30 тыс. солдат и ландмилиции в 20 тысяч. По примеру Швеции (и Дании) ландмилиция формировалась на основе рекрутской повинности; срок службы в милиции составлял пять лет⁵⁵.

Большую часть доходов прусского государства составляли не налоги, а доходы от домена: примерно треть земель Бранденбурга-Пруссии принадлежала короне, и на этих землях курфюрст в качестве помещика собирал земельную ренту. Так же, как в Швеции, прусское государство имело домениальный характер и вело активную экономическую политику. Курфюрсты стремились заселить свободные земли домена и привлекали переселенцев — в том числе из других стран. После отмены Людовиком XIV Нантского эдикта Фридрих Вильгельм предложил французским гугенотам перебраться в Бранденбург, и общее количество переселенцев превысило 20 тысяч. В Пруссии, как и в Швеции, явственно ощущалось влияние распространяющегося голландского «культурного круга». Фридрих Вильгельм в молодости бывал в Голландии и понимал выгоды создания собственного флота; было построено несколько океанских кораблей, которые совершали плавания к торговым факториям на берегах Африки. Голландские подрядчики строили мануфактуры и образцовые сельскохозяйственные фермы. Приглашали также евреев, которые привозили с собой большие капиталы и содействовали экономическому развитию страны. С целью поощрения местных мануфактур был запрещен вывоз шерсти и ввоз шерстяных тканей; для транспортировки товаров был построен канал, соединивший Одер и Эльбу. Однако главное внимание уделялось развитию военной промышленности, были построены оружейные фабрики в Потсдаме и Шпандау, и прусская армия была обеспечена собственным оружием⁵⁶.

Все эти меры были подобны мероприятиям Густава Адольфа и соответствовали тому направлению экономической политики, которое позже называли камерализмом. А. Смолл характеризует камерализм как сборник практических ответов на вопрос: «Какую программу должно принять мудрое правительство, чтобы обеспечить свои финансы и быть способным исполнять свои государственные обязанности?». Один из классиков камерализма Л. фон Секендорф (1626—1692) понимал главную обязанность государства как «обеспечение подданных средствами для получения предметов первой необходимости». Список направленных к этой цели практических мер включал: обучение молодежи, использование всех средств для надлежащей обработки земли, особое внимание к производству жизненно необходимых товаров, регулирование цен, запрещение ростовщичества, ограничение расходов на празднества, ограничение роскоши в одежде, отказ от использования импортных товаров и т.д.⁵⁷

Как отмечал М. Раев, немецкий камерализм оказал большое влияние на преобразовательную деятельность Петра I. Регламенты его «в действительности являлись не чем иным как прямым копированием и переводом более ранних

немецких административных правил»⁵⁸. Вряд ли это так: не все регламенты в действительности копировались помощниками Петра. При этом даже в Пруссии до правления Фридриха Вильгельма I (1713—1740) камерализм оставался лишь теорией, которая не играла большой роли в практике государственного управления; в те времена прусская бюрократия была далека от совершенства⁵⁹. При Фридрихе I в Берлине господствовало французское влияние: получив в 1701 г. титул короля Пруссии, бранденбургский курфюрст стремился сделать свой двор столь же пышным, как венский или версальский. Министры были озабочены не эффективностью управления, а организацией торжеств и приемов; еще не заверенное здание «военной монархии» уже разрушалось под действием фаворитизма и коррупции⁶⁰.

В возвышении Бранденбурга-Пруссии можно видеть пример действенности теории «военной революции», и этот пример показывает, каким образом появление новой военной технологии порождает «военную монархию». Однако эта монархия, как и монархия Густава Адольфа, не похожа на «регулярное государство» Петра I и вообще вряд ли могла служить примером для философов того времени. Для того, чтобы проследить происхождение такого рода государственного устройства, требуется рассмотреть еще другие случаи возникновения «военной монархии», продолжив анализ процессов распространения «военной революции» в Европе.

(Продолжение следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. МИЛЮКОВ П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб. 1905, с. 123.
2. СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 9. М. 1993, с. 525.
3. БАГГЕР Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М. 1985, с. 31.
4. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1729 гг. М. 1902, с. 18—19.
5. ФЕНОР В. Фридрих Вильгельм I. М. 2004, с. 215; РАЕВ М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме. В кн.: Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара. 2000, с. 78.
6. Введение в историю европейскую через Самуила Пуффендорфа на немецком языке изложенное. СПб. 1718, с. 7.
7. СЫРОМЯТНИКОВ Б.И. «Регулярное государство» Петра Первого и его идеология. М. 1943, с. 152.
8. LACH D. The Sinophilism of Christian Wolff (1679—1754). — *Journal of the History of Ideas*, 1953, Vol. 14, № 4, p. 563—566; DEMEL W. China in the political thought of Western and Central Europe, 1570—1750. In: *China and Europe: images and influences in 16th — 18th centuries*. Beijing. 1991, p. 55.
9. ТРОИЦКИЙ С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1972, с. 74.
10. ROBERTS M. *Essays in Swedish history*. Minneapolis. 1967.
11. WHITE L. *Medieval technology and social change*. Oxford. 1966, p. 1—38; DOWNING B. *The military revolution and political change*. Princeton. 1992.
12. ROBERTS M. *Op. cit.*, p. 206.
13. DOWNING B. *Op. cit.*, p. 11, 74—78.
14. HENSHALL N. *The myth of absolutism: change and continuity in early modern European monarchy*. London. 1992, p. 11.
15. PARKER G. The limits to revolutions in military affairs: Maurice of Nassau, the Battle of Nieuwpoort (1600), and the legacy. — *Journal of Military History*, 2007, vol. 71, № 2, p. 361.
16. GORSKI P. The Protestant ethic revisited: disciplinary revolution and state formation in Holland and Prussia. — *American Journal of Sociology*, 1993, vol. 99, № 2, p. 272—273.
17. PARKER G. *Op. cit.*, p. 364.

18. FRITSCHY W.A. «Financial Revolution» revisited: public finance in Holland during the Dutch revolt, 1568—1648. — *The Economic History Review*, 2003, vol. 56, № 1, p. 71.
19. GORSKI P. *Op. cit.*, p. 283; FRITSCHY W. A history of the income tax in the Netherlands. — *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1997, t. 75, fasc. 4, p. 1047.
20. LUITEN VAN ZANDENF J., MAARTEN P. Towards an economic interpretation of citizenship: The Dutch Republic between medieval communes and modern nation-states. — *European Review of Economic History*, 2006, № 10, p. 123.
21. БРОДЕЛЬ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV—XVIII вв. Т. 3. М. 1992, с. 173—268.
22. *Wapenhandelinge van roers, musquetten ende spiessen, achtervolgende de ordre van syn excellentie Maurits Prins van Orangie figurlyck uitgebeeld door Jacob de Gheijn's. Gravenhage. 1607; facsimile ed., with an introduction by J.B. Kist. Lochem. 1971.*
23. PARKER G. *Op. cit.*, p. 21.
24. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus. A history of Sweden. Vol. 2. London — N.Y. — Toronto. 1958, p. 198; ЛАПШОВ С.П. Польско-шведские войны 1621—1622 и 1626—1629 годов: армии противников — http://www.geenactor.ru/ARH/PDF/Lapshov_05.pdf.*
25. АНДЕРСОН И. История Швеции. М. 1951, с. 139.
26. HALLENBERG M., HOLM J., JOHANSSON D. Organization, legitimation, participation. State formation as a dynamic process — the Swedish example, с. 1523—1680. — *Scandinavian Journal of History*, 2008, vol. 33, № 3, p. 251.
27. ROBERTS M. The constitutional development of Sweden in the reign of Gustav Adolf. — *History*, 1940, vol. 24, № 96, p. 338; UPTON A. *Charles XI and Swedish absolutism, 1660—1697. Cambridge. 2006, p. 60.*
28. АНДЕРСОН И. Ук. соч., с. 147.
29. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 211, 213; EJUSD. The constitutional development, p. 330—331.
30. HALLENBERG M., HOLM J., JOHANSSON D. *Op. cit.*, p. 258.
31. МАКНИЛ У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. М. 2008, с. 159.
32. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 208, 214, 236—241.
33. GLETE J. The Swedish fiscal-military state in transition and decline, 1650—1815. In: Paper to the XIV International Economic History Congress. Helsinki. 21—25 August 2006, p. 3.
34. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 64, 66.
35. ROBERTS M. The constitutional development, p. 339; JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation. In: *A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense, 2000, p. 69.*
36. JESPERSEN L. Office and offence crisis and structural transformation in 17th century Scandinavia. — *Scandinavian Journal of History*, 1993, vol. 18, № 2, p. 113.
37. HALLENBERG M., HOLM J., JOHANSSON D. *Op. cit.*, p. 258.
38. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 79.
39. *Ibid.*, p. 92—98, 108—120; История Швеции, с. 226.
40. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 232; НИЛУС А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб. 1904, с. 142—143.
41. ROBERTS M. *Essays*, p. 195.
42. АНДЕРСОН И. Ук. соч., с. 196.
43. HALLENBERG M., HOLM J., JOHANSSON D. *Op. cit.*, p. 258.
44. UPTON A. *Op. cit.*, p. 8; История Швеции. М. 1974, с. 193—194.
45. UPTON A. *Op. cit.*, p. 9—10; История Швеции, с. 199.
46. ANDERSON P. *Lineages of the absolutist state. London. 1974, p. 195.*
47. КАХК Ю.Ю. Крестьянство восточнонемецких земель в XVI — середине XIX в. В кн.: История крестьянства в Европе. Т. 3. М. 1986, с. 275.
48. SHENNAN M. The rise of Brandenburg-Prussia. London. 1995, p. 14, 30, 32; КАХК Ю.Ю. Ук. соч., с. 274; НИЛУС А. Ук. соч., с. 155, 163.
49. SHENNAN M. *Op. cit.*, p. 32.
50. *Ibid.*, p. 32—34.
51. *Ibid.*, p. 32—35; KISER E., SCHNEIDER J. Bureaucracy and efficiency: an analysis of taxation in Early Modern Prussia. — *American Sociological Review*, 1994, vol. 59, № 2, p. 195.
52. ФЕНОП В. Ук. соч., с. 24.
53. SHENNAN M. *Op. cit.*, p. 36.
54. *Ibid.*
55. ФЕНОП В. Ук. соч., с. 24, 140, 153, 222, 223; SHENNAN M. *Op. cit.*, p. 54—55.
56. SHENNAN M. *Op. cit.*, p. 38—39, 56; ФЕНОП В. Ук. соч., с. 152.
57. SMALL A.W. The Cameralists. The pioneers of German social polity. Kitchener. 2001, p. 22, 82.
58. ПАЕВ М. Ук. соч., с. 61.
59. KISER E., SCHNEIDER J. *Op. cit.*, p. 190—201.
60. ФЕНОП В. Ук. соч., с. 86—93.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефёдов

Появление абсолютизма на Востоке Европы было вызвано шоком, который произвело на окружающие страны шведское нашествие. В 1658 г. шведская армия осадила Копенгаген, датское государство стояло на краю гибели, и спасла его лишь помощь союзников, а осенью 1660 г. датское собрание сословий после бурных прений вручило королю Фредерику III абсолютную и наследственную власть. Рождение абсолютизма было следствием военной катастрофы, это была военная диктатура в ее древнеримском понимании — диктатура, порожденная войной. В этом убеждают обстоятельства возникновения датского абсолютизма.

Так же как в Германии, в конце средних веков в Дании господствовали рыцарский строй и сеньориальная система. Многочисленное датское дворянство использовало свою военную мощь для подчинения как крестьян, так и королевской власти. В 1523 г. дворянство получило «королевские права» над своими крестьянами. В ответ крестьяне восстали — и потерпели поражение; многие из них утратили свои земли, а манифест 1536 г. объявил власть дворян над крестьянами «неограниченной». На датских островах постепенно сформировалось крепостное право, помещик мог продавать крестьянские семьи в разбивку. Закон 1608 г. подтвердил право помещика на неограниченную барщину¹.

В XVI в. датские короли правили вместе с Государственным советом (ригсродом), включавшим представителей примерно двадцати аристократических семей (хотя формально эти семьи не имели титулов, которые выделяли бы их из дворянской среды). Каждый король при вступлении на престол подписывал «устав вступления» и клялся «поддерживать ригсрод и дворянство Дании и управлять вместе с ними»². Ригсрод имел право избирать короля; все законы принимались монархом совместно с ригсродом. Без согласия ригсрода король не мог дать простолюдину дворянство³. Кроме того, совместно с государем ригсрод назначал ленсманов — управляющих королевскими замковыми ленами. Королевский домен делился на замковые лены, и ленсманы получали до

Продолжение. Начало см. Вопросы истории, 2013, № 12.

Нефёдов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

половины доходов этих ленов. Иначе говоря, помимо своих земель, дворянство эксплуатировало также земли короны. В середине XVII в. дворянам и королю принадлежало по 44% всех земель, и по 6% приходилось на долю церкви и немногочисленных свободных крестьян⁴.

Таким образом, дворянство присваивало основную часть доходов королевства, обязуясь взамен нести военную службу: оно выставляло 1200 всадников-рыцарей, которые и составляли основу датской армии. По закону 1625 г. одного всадника выставляли с 312 тенге (1 тенге — примерно 1 га) пахотной земли, и, хотя дворяне сами уже не сражались, они более-менее исправно обеспечивали солдатами датскую кавалерию⁵. Датские дворяне (в отличие от шведских) не уклонялись от этой обязанности, так как понимали необходимость защищать свою власть и доходы. Однако «военная революция» привела к падению значения тяжелой кавалерии, и с конца XVI в. ригсроду приходилось нанимать все больше пехотинцев — немецких ландскнехтов. Несмотря на введение экстраординарных налогов, средств не хватало, и по шведскому образцу была введена рекрутская повинность — сначала для крестьян короны, а затем (с 1638 г.) и для помещичьих крестьян. Дворяне-помещики сами отбирали рекрутов в своих поместьях и выполняли роль офицеров, они учили своих солдат обращению с мушкетами, а после обучения отнимали у них оружие: дворяне боялись своих крестьян. Со своей стороны, крестьяне не желали сражаться за господ, в начале Тридцатилетней войны они толпами уходили в Швецию, и пришлось заключить с нею особое соглашение о возврате дезертиров⁶. Боевая ценность такой армии была сомнительной, военачальники презирали своих солдат, и король Кристиан IV говорил, что призванные крестьяне были «хуже животных»⁷. Когда в 1657 г. в Ютландию вторглась шведская армия, то крестьяне-рекруты попросту разбежались, а зимой следующего года, перейдя по льду проливы, шведы подошли к Копенгагену. Дания была вынуждена капитулировать и отдала Швеции четыре провинции. Однако шведский король Карл X Густав решил полностью уничтожить датское государство и возобновил войну. 11 февраля 1659 г. шведская армия штурмовала Копенгаген, который обороняли городское ополчение и небольшой отряд наемников. Штурм был отбит, но положение было отчаянным и лишь помощь союзников (Голландии, Бранденбурга, Польши и Австрии) спасла Данию от гибели⁸.

Катастрофа 1658—1659 гг. выявила полную неспособность датских дворян защитить принадлежавшую им страну — неспособность, которая была результатом свершившейся «военной революции». Датское дворянство упорно цеплялось за то, что когда-то обеспечило его власть — за тяжелую рыцарскую кавалерию, лишь по необходимости формируя плохо обученные и ненадежные подразделения пехоты. Война показала военную и политическую беспомощность дворянства, и реальная власть оказалась в руках тех сил, которым удалось отстоять Копенгаген — в руках бюргерского ополчения и королевских наемников. Отразив штурм 11 февраля, бюргеры сразу же потребовали предоставить им дворянские права и привилегии, и король был вынужден согласиться. Осенью 1660 г. было созвано собрание всех сословий, на котором встал вопрос о реформах. Главной проблемой (как и учит теория «военной революции») было создание новой армии и обеспечение ее финансирования.

Задача осложнялась огромным государственным долгом (5 млн риксталеров), который равнялся примерно двенадцатикратному государственному доходу. В попытках изыскать средства низшие сословия требовали отменить налоговые привилегии дворян и отнять у них управление королевскими ленами. Дворянство упорно сопротивлялось, и тогда бюргеры и духовенство обратились к королю Фредерику III. Сословия предлагали вручить монарху наследственную и неограниченную власть во имя проведения необходимых ре-

форм. 10 октября король объявил в столице военное положение; зал заседаний был окружен королевскими наемниками — и дворянство капитулировало. Фредерик III стал абсолютным монархом. Так родилась датская военно-бюрократическая монархия⁹. «Королевский закон» 1665 г. — уникальный в истории Европы документ, провозгласивший рождение «восточного абсолютизма»¹⁰. Введение к этому документу от имени короля говорит о причинах и обстоятельствах введения абсолютизма: «Да будет известно всем... что Его божественное всемогущество по-отечески освободило нас от опасности почти очевидной и неизбежной катастрофы, которая нависала над нашим королевским домом и нашими королевствами и землями... Господь призвал тогда наш ригсрод и все сословия, благородные и неблагородные, духовные и светские, чтобы они отказались от их прежних прерогатив и прав на выборы... и таким образом, невынужденно и без любого подстрекательства, требования или приказа, добровольно и после зрелого обдумывания... объявили нас главным обладателем наследственного права на королевства Данию и Норвегию, на абсолютную власть, суверенитет, и все королевские привилегии и регалии»¹¹.

Создателем «Королевского закона» 1665 года, утвердившего абсолютизм, а также «Табели о рангах» был Петр Шумахер, молодой библиотекарь Фредерика III, впоследствии государственный канцлер. Шумахер много путешествовал по Европе и был осведомлен в философии XVII века. С целью обоснования абсолютной монархии он использовал теорию Гуго Гроция о происхождении государства в результате «общественного договора». По мысли Шумахера, в 1660 г. датские сословия заключили именно такой договор с целью достижения «общественной пользы»¹².

Первой задачей новой власти было решение финансовой проблемы, и она решила эту проблему в духе тех требований, которые выдвигали буржуазия и духовенство. Дворянские поместья лишились налоговых привилегий, помещичьим крестьянам пришлось платить государству примерно в пять раз больше, чем прежде. Владельцы поместий сами собирали налоги со своих крестьян и отвечали за недобор: землевладелец должен был платить за запустевшие земли; если же он не справлялся со сбором налогов, то в дело вступали военные команды¹³. Естественно, что большие подати привели к уменьшению помещичьей ренты и упадку старого поместного дворянства. Однако в первую очередь рост налогов означал новые тяготы для крестьян. Ганнибал Сехестед, государственный казначей, проводивший налоговые реформы, признавал, что новые налоги непосильны для «несчастливых крестьян, чей скот и имущество... постоянно продаются за бесценок для уплаты податей. Это уменьшает доходы земли и принуждает подданных бежать из королевства»¹⁴.

Другим важным финансовым мероприятием было изъятие королевских ленов у державшей их знати. На смену ленсманам, присваивавшим до половины доходов лена, пришли амтманы, королевские чиновники, получавшие фиксированное жалованье. Для сбора налогов в доменах король сам назначал особых уполномоченных, не подчинявшихся амтману. Таким образом, король получал все причитающееся, и доходы с домена резко возросли. Но и этого не хватало для покрытия возросших военных расходов и оплаты долгов, поэтому правительство продавало королевские лены; к 1683 г. почти половину земель короны (на 6 млн риксдалеров) купили кредиторы короля — копенгагенские буржуа и иностранные финансисты; вместе с поместьями они получали учрежденные с 1671 г. титулы баронов и графов. Это было новое дворянство, которое не имело ничего общего со старым рыцарским сословием¹⁵.

Все это делалось с целью создания мощной армии перед лицом сохранявшейся шведской угрозы. В 1662 г. расходы на армию превысили уровень 1602 г. в 40 раз (нужно, конечно, учитывать, что в 1602 г. кавалерия оплачивалась

дворянством). В 1661—1699 гг. на армию уходило в среднем 1,7 млн риксталеров в год, в то время, как в 1656 г. весь государственный доход составлял 0,4 миллиона¹⁶. В начале XVIII в. датская армия насчитывала 65—75 тыс. солдат, в войсках служило примерно 4% населения¹⁷. Дания превратилась в «военное государство», подобное Швеции Густава Адольфа.

Государства, подвергшиеся удару вследствие появления новой военной технологии завоевателя, должны, согласно концепции диффузионизма, соответственно модернизироваться. Прежде всего требуется перенять военную технологию. Новая датская армия была организована, вооружена и обучена по образцу шведской. Так же, как в Швеции, была введена рекрутская повинность: пять крестьянских дворов должны были поставить одного рекрута; так комплектовалась не только пехота, но и кавалерия. Дворянская конница была расформирована; дворяне были освобождены от службы и от обязанности выставлять всадников (что и давало формальное основание для обложения поместий налогами). Однако крестьяне, для которых рекрутчина была столь же ненавистна, как новые налоги, всячески уклонялись от военной повинности, и в 1680-х годах правительство было вынуждено вернуться к наемной армии¹⁸. Таким образом, застарелая социальная рознь не позволила датским королям создать национальную армию: напомним, что в Зеландии существовало крепостное право, барщина достигала трех дней в неделю, и у рабов не было стимулов, чтобы защищать своих господ. Потребовалось еще одно шведское нашествие, чтобы убедить военную монархию в необходимости освобождения крестьян. В 1700 г., когда шведы высадились у Копенгагена, правительство пообещало отменить крепостное право, если крестьяне будут бороться с врагом. После этого рекрутская повинность была восстановлена и удалось сформировать крестьянские полки, сражавшиеся вместе с наемными войсками. Правда, отбор рекрутов в поместьях был предоставлен их владельцам, и угроза рекрутчиной зачастую заставляла бывших крепостных выполнять прежние повинности. Остатки крепостного права в Дании были отменены в 1788 году¹⁹.

Датская армия отличалась от шведской также и в формировании офицерского состава. В шведской армии середины XVII в. офицерами были, как правило, дворяне. В Дании же преобразования 1660 г. были направлены против дворян, и они лишились привилегий на занятие офицерских (и чиновничьих) должностей — это было одно из главных требований бюргерского сословия. Более того, абсолютная монархия с подозрением относилась к затаившим недовольство дворянам и не допускала их до высоких постов. Подавляющее большинство офицеров датской армии (75—80%) происходило из низших сословий, а многие были иностранцы (преимущественно немцы). При назначении на должность учитывались прежде всего профессиональные качества, а происхождение не имело значения; требовалось только, чтобы кандидат имел «честных родителей». Однако с назначением на должность офицер, не становясь дворянином, получал право на дворянские привилегии, в том числе на фамильную приставку «фон». В конечном счете датские офицеры сплотились в касту, где — подобно тому как это было в Пруссии — прежде всего ценились профессионализм, дисциплина, точное и аккуратное исполнение обязанностей. Офицер должен был неотлучно пребывать в полку, вести журнал служебных поручений и строго соблюдать устав²⁰.

Бюрократическая машина датского «военного государства» была скопирована со шведского образца: несколько коллегий, налаженный документооборот, система ревизий; государственный совет (риксрод) был упразднен и заменен чисто совещательным органом, «статс-коллегией». В 1680-х годах был проведен земельный кадастр и налоги распределены соответственно количеству и качеству земли независимо от того, кому она принадлежала, королю или дво-

рянам. Так же как в армии, в правительственном аппарате большинство чиновников не принадлежало к дворянству и при назначении на должность в первую очередь учитывалась квалификация²¹. Стараясь уравнивать дворян и буржуазию в отношении служебных возможностей, датская военно-бюрократическая монархия проводила сознательную политику эгалитаризма²². «Налоги на должность, на ношение парика, на прочие предметы роскоши, каретный налог являлись средством уравнивать общество»²³. По Датскому кодексу 1685 г. все подданные были равны перед законом²⁴.

Истоки этих эгалитарных тенденций просматриваются в требованиях копенгагенской буржуазии, выдвинутых сразу же после отражения шведского нашествия. В сельской и феодальной Дании Копенгаген представлял собой довольно значительный для того времени торгово-буржуазный анклав. Жизнь столицы была связана с обслуживанием балтийской торговли, которую вели преимущественно голландские купцы. В городе было много филиалов голландских торговых компаний; компания Марселисов владела верфями, литейным заводом и доминировала в экспорте норвежского леса. В составе городского населения было немало голландцев — ткачей, судовых плотников, рабочих-строителей, архитекторов, художников²⁵. Это был процесс распространения голландского культурного круга — причем в Дании голландское влияние было более сильным, чем в Швеции и Пруссии. Естественно, что породнившаяся с голландцами копенгагенская буржуазия стремилась установить в Дании те же порядки, которые существовали в Голландии, — то есть порядки торговой республики, где правят не дворяне, а буржуа. Финансовая мощь Копенгагена заставляла королей считаться с бюргерами: наряду с голландцами, бюргеры выступали в качестве кредиторов государства, и, чтобы расплатиться с ними, короли продавали им лены и титулы²⁶. Таким образом, эгалитаризм датской монархии объяснялся не только приспособлением к новым условиям «военной революции», но также голландским влиянием и наличием внутри страны буржуазного анклава, Копенгагена.

Уравнивая дворянство и буржуазию, военная монархия создала новую общественную иерархию, основанную на положении подданного в государственной военно-бюрократической машине. Чтобы точно установить положение военных и штатских в новой иерархии, в 1671 г. была введена «Табель о рангах». Табель группировала должности в ранги, в соответствии с которыми офицеры и чиновники должны были пользоваться почетом и уважением, занимать места в собраниях, при богослужениях и общественных мероприятиях. В основу была положена военная иерархия званий, гражданские должности (с некоторым понижением) приравнивались к военным; офицерам и чиновникам полагалось носить соответствующие рангу мундиры. Неслужилое дворянство не входило в эту иерархию, исключение делалось лишь для новых баронов и графов, получивших титулы после революции 1660 года²⁷. Бароны имели третий ранг знатности и приравнивались к генерал-майорам; но и все должностные лица, дослужившиеся до третьего ранга, становились потомственными дворянами²⁸.

Датская «Табель о рангах» была первым европейским установлением такого рода, и она оказала влияние на «Табель о рангах» Петра I. П.А. Остерман, составивший первоначальный проект российской «Табели», предлагал, как в Дании, давать дворянство должностным лицам начиная с третьего ранга. Однако Петр I собственноручно исправил проект, указав считать дворянами всех офицеров, начиная с низших званий. Это была огромная, принципиальная разница: в Дании дворянами становились только генерал-майоры, а в России дворянином мог стать выслужившийся из крестьян прапорщик. И разумеется, в российской «Табели» не было никаких графов и баронов, купивших свои титулы²⁹. К тому же в 1710-х годах офицерские должности в Дании стали

продаваться — началась эрозия «военной монархии»³⁰. Таким образом, прообраз регулярного государства Петра нужно искать в других странах — и в других государственных теориях.

Вернемся же к истории Швеции во второй половине XVII столетия. В 1655 г., когда шведский король Карл X Густав напал на Польшу, это было нашествие, которое поляки называли «Потопом». Война с Польшей вскоре превратилась в войну с Россией и Данией, в ходе которой Карл Густав нанес датчанам удар, породивший революцию 1660 года и датский «восточный абсолютизм». В том же 1660 г. Карл Густав умер, и власть вновь оказалась в руках аристократического риксдага. Однако на этот раз риксдаг принял дополнения к «Форме правления», после чего государственные посты не должны были оставаться монополией аристократии и на низшие должности могли назначаться и простолюдины — если они имели университетское образование. В дальнейшем стало обычной практикой наделять дворянством простолюдинов, дослужившихся до более высоких должностей, и это привело к формированию прослойки дворян-чиновников³¹.

До начала войны 1675—1679 гг. молодой король Карл XI не вмешивался в дела управления, проводя жизнь в военных играх-маневрах — позднее такое воспитание стало обычным для всех королей-полководцев (Kriegsherr). Но летом 1675 г. внезапно разразился военный кризис, шведская армия была разбита бранденбуржцами, шведский флот разгромлен датчанами, и датские войска высадились в Швеции. Король был вынужден взять на себя командование и, смело атаковав врага, в 1676 г. нанес датчанам решающее поражение в битве при Лунде.

В кризисе 1675 г. проявились последствия диффузионного процесса, связанного с созданием шведами легких полковых пушек. Эта военная инновация вызвала волну шведских завоеваний и заставила подвергшиеся нашествию страны — Данию, Бранденбург, а затем и Россию — спешно перенимать оружие шведов. К 1675 г. Швеция утратила свое военно-технологическое превосходство и оказалась перед лицом коалиции жаждавших реванша противников. Отныне Швеция сама стала объектом военного давления и перед Швецией — также как в 1660 г. перед Данией — встала задача самосохранения. Это было возможно лишь путем мобилизации финансов страны, восстановления «военного государства» времен Густава Адольфа.

Так же как в Дании, аристократическое правительство было деморализовано предъявленными ему обвинениями в растрате средств и военных поражениях; как и в Дании, на первый план вышла проблема финансирования армии. На риксдаге 1680 г. низшие сословия потребовали полной редукции — возврата короне всех земель, «приватизированных» с 1632 года. Члены бывшего правительства предстали перед трибуналом; королевская лейб-гвардия «охраняла» зал заседаний риксдага, дворянство было запугано и согласилось на проведение редукции. Одновременно с устранением аристократического правительства сословия передали королю неограниченную и абсолютную власть, причем формально это выглядело как восстановление традиционных прав наследственного монарха³². 12 декабря 1680 г. риксдаг принял «Декларацию сословий». «Ваше королевское величество... ответственно в своих действиях исключительно перед Богом», — гласила она³³.

Таким образом при обстоятельствах, подобных датским, — в условиях внешнего военного давления и нехватки средств для содержания армии — в Швеции утвердился «восточный абсолютизм». Так же, как в Дании, это была военная диктатура, поставившая целью мобилизовать средства страны для воссоздания мощной армии и, в частности, отнять у дворянства присвоенные им доходы. В датском случае это было сделано путем отмены налоговых привиле-

гий дворянства, в шведском случае — путем конфискации части дворянских земель. В результате редукции дворянство потеряло примерно половину своих владений; к концу XVIII в. доля дворянских земель сократилась до 33%, доля коронных земель увеличилась до 36%, а доля крестьянских земель — до 31%³⁴. Кроме того, по постановлению трибунала члены риксрода были вынуждены вернуть в казну 4 млн талеров, что привело к разорению пятнадцати крупнейших аристократических родов. Старая аристократия была публично дискредитирована и понесла столь большие экономические потери, что уже более никогда не могла претендовать на власть. Риксрод был преобразован в «Королевский совет», состоявший из назначенных королем чиновников. Одновременно были ликвидированы зафиксированные в «Форме правления» привилегии дворянства на занятие должностей. После 1680 г. все назначения офицеров производил король, обращавший внимание главным образом на профессиональные качества кандидатов. Более половины низших офицеров были простолюдинами, но при достижении капитанской должности офицер обычно получал дворянство. Аналогично аnobлировались чиновники, поэтому число дворян быстро росло. До 1680 г. 90% дворян были землевладельцами, а к концу XVII в. 70% сословия составляли не имевшие земли служилые дворяне³⁵.

Для упорядочения новой элиты по датскому образцу была утверждена «Табель о рангах». Однако, в отличие от датской табели, в шведских регламентах нет упоминаний о графах или баронах. В регламенте 1696 г. еще фигурировали некоторые привилегии дворян, но в табели 1705 г. об этих привилегиях уже не упоминается. Впрочем, в этих документах нет и положений о назначении на посты соответственно заслугам или о даровании дворянства выслужившимся офицерам. Камеррат Генрих Фик, посланный Петром I в Швецию для сбора сведений о бюрократических учреждениях этой страны, отмечал, что молодые дворяне все же имеют некоторые преимущества при продвижении по службе: они могут начать службу волонтерами в лейб-гвардии или получить образование за границей. Имелась возможность также поступить канцеляристом в коллегии, но во всех случаях требовалось последовательно проходить все низшие чины. Карл XI требовал, чтобы дворянские юноши учились в гимназиях; с этой целью в каждой епархии была учреждена гимназия³⁶.

Карл XI вошел в шведскую историческую традицию как «крестьянский король». Среди простого народа ходила легенда, будто Карл, пряча лицо под капюшоном старого серого плаща, посещает жилища крестьян и расспрашивает их о жизни — поэтому короля звали «серым плащом». В инструкции провинциальным губернаторам король писал, что дворяне не должны обременять крестьян непосильным трудом, что «дворянские крестьяне не перестают быть Нашими подданными и заслуживают протекции и защиты во всех разумных вопросах так же, как другие подданные». «Он был помешан на поддержании справедливости между подданными», — констатирует Э. Уптон³⁷.

Крестьяне были благодарны королю прежде всего за избавление от рекрутчины. Карл XI создал систему «инделнингсвайк» (indelningsverk), когда несколько крестьянских хозяйств объединялись в «роты» и совместно содержали солдата. Обычно они подряжали молодого батрака, обеспечивали его усадьбой и помогали по хозяйству. В мирное время солдат проводил один месяц в году на военных сборах, проходя военное обучение и участвуя в маневрах. Рота отвечала за своего солдата и была обязана заменить его в случае дезертирства или гибели³⁸.

В конце XVII в. система «инделнингсвайк» позволяла содержать 37 тыс. солдат. Конница частью состояла из дворян, которые по-прежнему были обязаны отбывать службу или выставять наемного рейтара. Кроме того, в армии

служили 24 тыс. немецких наемников; военные расходы (включая затраты на флот) составляли 61% от бюджета. Однако когда в 1700 г. началась Вторая Северная война, «поселенная» армия оказалась недостаточной, и Карлу XII пришлось вернуться к рекрутской системе. В 1708 г. численность армии достигла 111 тыс., что составляло примерно 6% от численности населения — это был пример тотальной мобилизации, на которую была способна только высокоорганизованная военно-бюрократическая монархия³⁹.

Одним из необходимых условий построения военной монархии является духовное единство, сплочение общества вокруг идеи, за которую можно сражаться. Идеологическое единство Швеции обеспечивала лютеранская религия. Шведские солдаты должны были молиться дважды в день, и их сопровождали в бой военные капелланы. Чтобы до каждого доходило слово божие, Карл XI учредил национальную систему образования: были созданы тысячи начальных школ, где крестьян учили грамоте, а тем, кто не выучился читать Библию, запрещали жениться. Учителя-священники растолковывали крестьянам суть того, что написано в Библии, и эта суть сводилась к тому, что король поставлен богом, чтобы заботиться о своем народе сообразно с божьей волей. При этом Карл XI считал себя не только сувереном мирян, но также опекуном и покровителем церкви — как это было принято у лютеранских князей⁴⁰.

Карл XI, действительно, работал не покладая рук, вставал в четыре часа утра и постоянно объезжал провинции, контролируя работу чиновников. Короля не без оснований называли «отцом отечества». В одном из частных писем Карл доказывал, что право и обязанность короля — предписывать делать то, что необходимо для всеобщего блага⁴¹. Теорию об «общественном договоре» (власть дана монархам в целях достижения «всеобщего блага») развивал Пуфендорф, который был сначала профессором университета в Лунде, а затем государственным секретарем и историографом Карла XI. Пуфендорф не скрывал, что как историк выражает мнение правителя, которому он служит⁴², а его философские теории отражали тогдашнюю европейскую реальность — становление «военных монархий». Чрезвычайно образованный человек, Пуфендорф привлекал для обоснования абсолютизма исторический опыт могущественной и почитаемой философами китайской цивилизации. Пуфендорф писал, что китайцы не могут представить себе что-либо подобное Генеральным штатам, и доказывал, что король может являться олицетворением общности людей, что все прочие учреждения не нуждаются ни в каком ином обосновании, кроме учреждения их абсолютной властью монарха. Особое внимание Пуфендорф уделял равенству прав дворян и простолюдинов на занятие государственных должностей. Он писал, что китайские императоры окружали себя учеными советниками, которые получали свои посты, выдержав трудный экзамен, что даже бедняк мог получить в Китае высокий пост, продемонстрировав свои знания⁴³.

Неясно, какое влияние оказала теория Пуфендорфа на взгляды Карла XI: корреспонденция философа посвящена историческим проблемам и ничего не говорит о его политической или административной деятельности. Известно, что в 1680 г. Пуфендорф поддерживал установление абсолютизма. Идеями Пуфендорфа широко пользовались политики для оправдания действий Карла XI и Карла XII, однако в чистом виде они были слишком радикальны для шведского общества. В университетах Лунда и Упсалы эти теории смешали с традиционным лютеранством: утверждалось, что «общественный договор» заключается по воле бога, и даже если король избран сословиями, то он избран по воле бога. Что касается самого Карла XI, то у него не было проблем с обоснованием своих полномочий: король не сомневался, что они основаны на Божьем слове и Священном писании⁴⁴.

Таким образом, Швеция Карла XI являет образец описанной Робертсом «военной монархии»: неограниченная власть монарха-полководца, мобилизация государственных ресурсов для поддержания армии, военная дисциплина, привнесенная в гражданскую сферу, «эффективная бюрократия», уставы и регламенты, переписи и кадастры, значительный государственный сектор экономики, идеологическая монополия государства. Все эти черты можно объяснить потребностями наиболее эффективной мобилизации сил для ведения войны: и шведская и датская монархии с их особенностями были порождены войной. Но сверх того заметны черты, придающие военной монархии «человеческое лицо»: эгалитаризм, забота о простом народе и «всеобщем благе».

Свойственные шведской монархии эгалитаристские и народные черты побудили Б. Даунинга рассматривать ее как особый случай военно-популистского абсолютизма⁴⁵. Шведский абсолютизм, разумеется, отличался от военно-бюрократического абсолютизма прусского образца, который сочетал офицерские привилегии дворянства с крепостным правом. Конечно, со временем война заставляет отбирать офицеров не по происхождению, а по умению и таланту, и иногда военным приходится освобождать крестьян, чтобы дать им в руки оружие, как это случилось в Дании. Однако эти общие тенденции развития военной монархии сказываются медленно: для освобождения крестьян в Пруссии потребовалась катастрофа под Иеной и Ауэрштедтом. История Швеции в этом отношении представляет собой особый случай — прежде всего, как история страны на периферии Европы, где дворянство не успело закрепить крестьян. Шведские крестьяне всегда были свободными, и короли относились к ним с уважением, «как святой Моисей правил детьми Израиля».

Напрашивается вывод, что в основании теории Пуфендорфа об «общественном договоре» с целью достижения «всеобщего блага» лежат традиции крестьянской Швеции, и может показаться, что именно соединение этих традиций с «военной монархией» породило концепцию «регулярного государства». Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто. Концепция «регулярного государства» родилась не в Швеции, а в Пруссии, и свое наивысшее выражение нашла в петровской России. «В России при Петре I попытка воплотить в жизнь политические идеи эпохи были гораздо более последовательными и далеко идущими, чем на Западе», — констатирует Х. Баггер⁴⁶.

(Продолжение следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. История Дании. М. 2007, с. 116—117, 159—160.
2. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation. In: A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense. 2000, p. 49.
3. JESPERSEN L. Court and nobility in Early Modern Denmark. — Scandinavian Journal of History, 2002, vol. 27, № 3, p. 129—130.
4. История Дании, с. 158, 168—171.
5. JESPERSEN L. Social change and Military Revolution in Early Modern Europe: Some Danish evidence. — The Historical Journal, 1983, vol. 26, № 1, p. 5, 8—9.
6. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 130—131, 180.
7. Ibid., p. 129.
8. История Дании, с. 188—192.
9. JESPERSEN L. Office and offence crisis and structural transformation in 17th century Scandinavia. — Scandinavian Journal of History, 1993, Vol. 18, № 2, p. 118; JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 93, 97; История Дании, с. 204—205.

10. JESPERSEN L. Office and offence crisis, p. 118.
11. EKMAN E. The Danish royal law of 1665. — *The Journal of Modern History*, 1957, Vol. 29, № 2, p. 105.
12. Ibid., p. 104.
13. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 57, 128.
14. Цит. по: ВОЗГРИН В.Е. Датское крестьянство в XVI — середине XIX в. В кн.: История крестьянства в Европе. Т. 3. М. 1986, с. 297, 298.
15. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 77, 97; ВОЗГРИН В.Е. Ук. соч., с. 298; История Дании, с. 209.
16. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 95.
17. История Дании, с. 211.
18. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 133—134.
19. Ibid., p. 134, 177.
20. LIND G. Military and absolutism: The army officers of Denmark-Norway as a social group and political factor, 1660—1848. — *Scandinavian Journal of History*, 1987, vol. 12, № 3, p. 225, 226, 230; KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. State building in Scandinavia. — *Comparative Politics*, 1994, vol. 26, № 2, p. 209.
21. KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. Op. cit., p. 205; JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 76—77.
22. KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. Op. cit., p. 209.
23. История Дании, с. 211.
24. ГЕРЕЛУНД Л.Н. История Дании. М. 1907, с. 175.
25. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 105.
26. Ibid., p. 97.
27. LIND G. Op. cit., p. 225.
28. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М. 1994, с. 178.
29. ТРОИЦКИЙ С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М. 1972, с. 60, 82.
30. LIND G. Op. cit., p. 224.
31. Ibid., p. 12.
32. Ibid., p. 35—39; UPTON A. Charles XI and Swedish absolutism, 1660—1697. Cambridge. 2006, p. 50.
33. LIND G. Op. cit., p. 39.
34. АНДЕРСОН И. История Швеции. М. 1953, с. 228.
35. UPTON A. Op. cit., p. 57—58, 69.
36. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Ук. соч., с. 173; UPTON A. Op. cit., p. 173.
37. UPTON A. Op. cit., p. 169.
38. Ibid.
39. Ibid., p. 71, 228; KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. Op. cit., p. 208.
40. UPTON A. Op. cit., p. 172—174, 217.
41. Ibid., p. 256, 151.
42. KRIEGER L. History and law in the Seventeenth century: Pufendorf. — *Journal of the History of Ideas*, 1960, vol. 21, № 2, p. 207.
43. DEMEL W. China in European political thought, 1570—1750. In: *China and Europe: images and influences in 16th — 18th centuries*. Hong Kong. 1991, p. 55—57.
44. UPTON A. Op. cit., p. 159, 169, 173, 241; KRIEGER L. Op. cit., p. 201; MAGNUSSON L. Economics and the Public Interest: The emergence of Economics as an academic subject during the 18th century. — *The Scandinavian Journal of Economics*, 1992, vol. 94. Supplement. Proceedings of a Symposium on productivity concepts and measurement problems: Welfare, quality and productivity in the service industries, p. 255—256; SCHMIDT-BIGGEMANN W. Dynamics of knowledge in the seventeenth-century Swedish realm. — *Ajalooline Ajakiri*, 2010, vol. 3/4 (133/134), p. 294.
45. DOWNING B. The Military Revolution and political change. Princeton. 1992, p. 205.
46. БАГГЕР Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М. 1985, с. 36.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефёдов

III. Итак, восточноевропейский абсолютизм был порождением «военной революции». Это был результат появления регулярных армий: содержание новой армии требовало введения новых налогов, что вызывало противодействие дворянства. Оно к тому же теряло свою военную опору — феодальное ополчение. Конфликт монархии и дворянства заканчивался тем, что регулярная армия прокладывала своему главнокомандующему («монарху-полководцу», *Kriegsherr*) путь к абсолютной власти. Получив абсолютную власть, монарх-полководец заставлял дворянство поступиться своими налоговыми привилегиями, и в некоторых случаях дело доходило до частичной конфискации дворянских земель. Увеличение доходов позволяло монархии содержать регулярную армию — но процесс «военной революции» на этом не останавливался, необходимо было создание военной инфраструктуры и четкой финансово-бюрократической организации. Монарх-полководец стремился переделать все общество на началах «регулярности», учредить для граждан уставы и заставить все государство маршировать как один батальон. Такова была история появления военно-бюрократического абсолютизма в Пруссии, Дании и Швеции.

Можно ли утверждать, что развитие России шло тем же путем? За исходную точку можно принять состояние Российского государства в XVI веке. До края Европы исходившая из Франции диффузионная волна распространения рыцарской кавалерии так и не дошла. Не достигнув Русской равнины, эта волна остановилась в пределах Речи Посполитой: так же как на Западе, в Польше установился рыцарский строй, при котором дворянство закрепостило крестьян и ограничило власть монарха сословными собраниями. Россия же подпала под влияние другой диффузионной волны — распространявшейся с юга волны османских заимствований.

В XVI в. Османская империя была самым могущественным государством Евразии, и ее порядки приходилось копировать многим странам. В основе военной мощи османов лежали два нововведения: система тимаров и корпус

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1.

Нефёдов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

янычар. Тимариотская система, по сути, была восстановлением «хорошо забытого старого», она напоминала бенефициальную систему Карла Великого. Всадник-тимариот («сипахи») получал часть доходов с выделенной ему земли с крестьянами («тимара»), но не имел права распоряжаться крестьянами и требовать с них чего-то большего. В отличие от европейского феода, тимар был всего лишь способом оплаты воинов-всадников; он не передавался по наследству и в любой момент мог быть отнят. Кроме того, тимары, как правило, не превышали десятка-другого крестьянских дворов, и дохода с них едва хватало на снаряжение воина¹. Русская поместная система в деталях совпадала с системой тимаров — она была заимствована у османов в правление Ивана III. Таким образом, русские воины-«помещики» принципиально отличались от европейских рыцарей: они не владели своими поместьями и не могли распоряжаться крестьянами; они получали лишь то, что было записано в переписных книгах. Однако, помимо дворян-помещиков, на Руси имелись бояре и «дети боярские», которые владели своими вотчинами как собственностью; бояре традиционно составляли окружение великих князей, которые правили вместе с Боярской думой.

Помимо тимаров, важнейшей военной инновацией Османской империи было создание янычарского корпуса, по существу — первого регулярного армейского корпуса, вооруженного огнестрельным оружием. Именно появление янычар ознаменовало начало военной революции. (Хотя М. Робертс и другие историки-европоцентристы связывают военную революцию с реформами Морица Оранского.) В соответствии с теорией военной революции, результатом создания янычарского корпуса стало утверждение самодержавной власти турецких султанов и создание османской военно-бюрократической монархии. Потребности обороны от непрерывных татарских набегов побудили Ивана IV заимствовать эти османские новшества и создать, по образцу турецких янычар, регулярный корпус стрельцов. В соответствии с теорией, нехватка средств для содержания новой армии породила конфликт между царем и боярами, и тогда царь использовал новосозданные регулярные части (опричную гвардию), чтобы конфисковать часть боярских вотчин. Создание новой армии потребовало перестройки финансов и замены натуральных повинностей денежными налогами; в результате налоги с крестьян возросли в несколько раз. Народилась бюрократическая система управления: многочисленные ведомства-приказы, переписи и кадастры, сложное делопроизводство. Сопrotивление бояр было сломлено жестокими репрессиями, и в итоге Иван IV стал самодержавным властителем. Подобно османским «капыкулу», «рабам дворца», бояре падали перед царем на колени и называли себя «государевыми холопами»². Таким образом, первая российская военно-бюрократическая монархия появилась еще в XVI в., и ее основателем был Иван Грозный. «Сей государь, — говорил Петр Великий об Иване Грозном, — есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он»³. Конечно, не так чтобы Петр I в буквальном смысле подражал Ивану Грозному: речь идет об общем направлении политики и о сходстве задач, вызванных потребностями продолжающейся военной революции.

Созданная Иваном IV военно-бюрократическая монархия погибла вследствие пресечения династии и последовавшей Смуты. Польская интервенция продемонстрировала военное превосходство Речи Посполитой, и османское влияние сменилось польским: начались военные реформы по польскому образцу. По существу это был последний прилив диффузионной волны, связанной с распространением рыцарской кавалерии: вместе со знаменитыми «крылатыми» гусарами Московское государство заимствовало польские обычаи и идеологию

польского дворянства. Русские дворяне стали называть себя шляхтой, а свои поместья — «родовыми поместьями». Наказ 1601 г. предписывал верстать в службу «от отцов детей, от брата братьев, от дядей племянников» и воспрещал давать поместья всем прочим. Таким образом, дворянское звание стало наследственным и появилось «природное дворянство». К концу XVII в. дворяне получили право обменивать свои поместья; различие между поместьем и вотчиной почти стерлось⁴. После Смуты русское дворянство оскудело; многие дворяне ходили в лаптях, а попытки повысить крестьянские оброки приводили к тому, что крестьяне уходили на монастырские или боярские земли — туда, где давали им «льготу». Формально введенное при Годунове прикрепление крестьян к земле существовало лишь на бумаге, сыскать и вернуть ушедших было практически невозможно. Собираясь в Москве перед походами, дворяне писали коллективные челобитные; потом, подражая польской шляхте, они стали устраивать бунты-«рокоши», требуя реально прикрепить крестьян к земле. В конечном счете московская шляхта добилась своего: Уложение 1649 г. утвердило крепостное право. Однако российское крепостное право XVII в. отнюдь не приравнивало крестьян к польскому холопству или барщинным крепостным времен Екатерины II: крестьяне могли жаловаться в суд на злоупотребления помещика — в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»⁵. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо»⁶. Пахотной земли в то время хватало, а повинности и налоги после Смуты резко уменьшились: в пересчете на хлеб оброки помещенных крестьян были в три раза меньше, чем при Иване Грозном, а налоги — в десять раз меньше. Таким образом, прикрепление крестьян долгое время не сказывалось на их благополучии; помещики остановили отток крестьян в южные области и не торопились повышать оброки: они боялись возвращения Смутного времени.

Помимо прикрепления крестьян, польское влияние сказывалось также и в усилении роли Боярской думы и Земских соборов. П.П. Смирнов отмечал, что обычаем теперь было «отнюдь не наследование, а избрание царя Земским собором, что практиковалось со времен смерти Ивана Грозного; такой порядок подсказывался и примером весьма авторитетного для Руси XVII в. соседнего Польско-Литовского государства». «После смерти Грозного наследственная монархия в России сменилась избирательной, — писал Л.В. Черепнин. — Все последующие цари до Алексея Михайловича избирались Земским собором или добивались трона при его фиктивном участии. Алексей Михайлович занял престол как прямой его [Михаила] наследник, но затем, по-видимому, был утвержден Земским собором»⁷. Принято считать, что, в отличие от европейских сословных монархий, в России отношения между сословиями и монархом не были кодифицированы и определялись главным образом традицией⁸. «Практика осуществления властных функций была такова, что царь действовал в рамках сложившейся традиции», — констатирует П.В. Седов. «Скрепленные традицией отношения между монархом и знатью позволяли достигать соглашения о разделе прибавочного продукта и эксплуатации населения», — уточняет Д. Островский⁹. Однако в рамках традиции существовали также и отдельные документы, регулировавшие правовые отношения в структурах власти. Цари были ограничены в своих правах «кестоцеловальными записями» — документами наподобие скандинавских «королевских обещаний» и «уставов вступления». Дьяк Григорий Котошихин писал, что «прежние цари, после царя Ивана Васильевича, обираны (избраны. — С.Н.) на царство: и на них были иманы

писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати»¹⁰. Указание на то, что царь должен был советоваться с боярами, имеется и в Уложении 1649 г.: 2-я ст. 10-й главы Уложения говорит, что «спорныя дела... взносити ис приказов в доклад к государю... и к его государевым бояром и околничим и думным людем. А бояром и околничим и думным людем сидети в полате и... государевы всякия дела делати всем вмьсте».

Таким образом, вопреки распространенному мнению, русские цари, правившие в конце XVI и в первой половине XVII в., не были «самодержцами». Их выбирали на престол, и они были ограничены в своих решениях необходимостью советоваться с Боярской думой и Земскими соборами. Этот порядок совпадал с порядками в других странах Европы, в частности, в Скандинавии, где короли правили совместно с риксродом и риксдагом и родовитая аристократия влияла на принимаемые решения.

«Боярин» и «окольничий» в XVII в. были формально ненаследуемыми чинами, наподобие членов ригсрода в Дании. Однако по традиции (как и в Дании) эти чины могли быть пожалованы лишь представителям ограниченного числа знатных родов. Члены 16 родов могли стать боярами, минуя другие чины, а представителям 15 других родов сначала надо было получить чин окольничего. Бояре выставляли свою знатность и влияние напоказ: они носили особую, расшитую золотом и жемчугами, одежду, собольи шубы и высокие «горлатые» шапки; при выезде боярина сопровождали десятки дворян-«знакомцев». С удельных времен бояре содержали вооруженные дружины из «боевых холопов», которых в народе звали «нахалами», — во время стрелецкого бунта 1682 г. эти дружины сражались со стрельцами на улицах Москвы¹¹. Среди боярских родов поддерживалась строгая местническая иерархия, чем знатнее было лицо, тем более высокие должности оно занимало. Никакие государственные заслуги не могли уравнивать дворянина с боярином. Даже знаменитый князь Дмитрий Пожарский не мог спорить со знатными боярами, и одному из них, известному «тушинцу» Салтыкову, он бы «выдан головой». Человек из простонародья не имел никаких шансов попасть в окружение царя; даже простые истопники во дворце были дворянами¹². А.Г. Маньков писал, что «Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений»¹³. Сопоставление царских именных указов и указов с боярскими приговорами показывает, что едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именные царские указы относились к более мелким вопросам, и по большей части к военной сфере. «На протяжении XVII в. боярство не «исчезало» и не «растворялось», а наоборот, набирало силу», — резюмирует Седов¹⁴. Более того, при царе Федоре Алексеевиче бояре попытались поделить между собой страну и стать наследственными и несменяемыми наместниками «царств» и «княжеств». Соответствующий указ был одобрен царем и не вступил в силу лишь из-за сопротивления патриарха Иоакима, который «всеконечно» восстал против угрозы разрушения государства¹⁵.

Согласно детально аргументированной концепции Н.П. Павлова-Сильванского Россия XVII века была обычной сословной монархией: как и в других европейских государствах, в России имелись четко выраженные сословия — сильная аристократия, многочисленное дворянство, горожане и крестьяне. Более того, Седов находит в конце XVII в. «тенденцию к укреплению сословного строя»¹⁶. Откуда же взялось «азиатское» самодержавие, как традиционно считается, отличающее Россию от Запада? Военная революция в России, начавшаяся в середине XVI в., и, в соответствии с теорией, создание

регулярного корпуса стрельцов привели к формированию военно-бюрократической монархии Ивана Грозного. Именно тогда появились те «азиатские» обычаи, которые удивляли приезжавших в Россию иностранцев. Но в XVII в. эти обычаи уже не отражали реального соотношения общественных сил. После Смуты нехватка средств для содержания стрельцов обострилась, денежные выдачи были уменьшены, поэтому стрельцам разрешили заниматься ремеслами и торговлей; многим вместо денег давали земельные наделы, и им приходилось пахать землю¹⁷. Дисциплина ослабла, учения проводились редко, и стрелецкий корпус терял свой регулярный характер. Стрельцы были недовольны, и когда в 1648 г. в Москве начался «соляной бунт», многие из них примкнули к бунтовщикам. Поскольку поместное ополчение тоже отказывалось подчиняться властям, царь Алексей Михайлович принял требования бунтовщиков и выдал им на расправу своих советников.

Пережив события 1648 г., царь Алексей попытался возродить опричный корпус; роль избранной гвардии стал выполнять «приказ» (полк) «стремянных стрельцов»; они получали повышенное жалованье, их командиров царь потчевал тетеревами за своим столом¹⁸. В 1662 г. стремянные стрельцы подавили «медный бунт», и царь стал чувствовать себя увереннее; в последний период царствования Алексея Михайловича власть его укрепилась¹⁹. Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... что хочет, то учинить может», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»²⁰. Алексей Михайлович еще при жизни представил своего сына Федора как наследника «всем чинам Московского государства» и добился их формального признания; это дало возможность обойтись без Земского собора в вопросе о престолонаследии. Однако и в последний период царствования Алексея Боярская дума не была отстранена от дел: царь постоянно советовался с боярами²¹. В царствование юного и больного Федора Алексеевича реальная власть вновь оказалась в руках боярских группировок²². После смерти Федора, в мае 1682 г., стрельцы снова подняли бунт, и Стремянный полк открыл мятежникам ворота Кремля²³. Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царевна Софья. Софья укрылась вместе с царями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софье послужила боярская аристократия.

В занимаемом ею положении Софья не могла проявлять самовластие, и она искала поддержки знати, раздавая думные чины — в первую очередь своим родственникам, Милославским. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами²⁴; к моменту действительного воцарения Петра I Россия не имела традиции самодержавного правления. «Самодержавие первых Романовых не было “самовластием”, — писал Павлов-Сильванский, — оно фактически было связано силой сословий... а также сильным тогда еще консерватизмом обычного права. Царь должен был править по старине в согласии с Боярской думой»²⁵. Многие современные историки также отмечают, что вплоть до петровского времени русские цари в своих решениях зависели как от Боярской думы, так и от Земского собора²⁶. Более того, сам Петр был избран на царство Земским собором, и даже после отстранения Софьи он долгое время не имел решающего влияния на дела — к примеру, патриарх Адриан был избран на престол вопреки воле молодого царя²⁷. С признанием же отсутствия «самовластия» в России XVII в. становится ясно, что абсолютизм появился при Петре I — и во весь рост встает вопрос о происхождении петровского абсолютизма. Теория военной революции, предполагая влияние военных преобразова-

ний на социально-экономическое развитие, позволяет подойти к решению этого вопроса в его основе.

Еще в конце XVI в. начался новый этап военной революции, связанный с реформами Морица Оранского. Теперь военные инновации пришли из Западной Европы — через шведов и поляков. В польской армии, помимо «крылатых гусар», имелись полки немецких наемников, обученных по голландскому образцу, и война с Польшей заставила Василия Шуйского перенимать эту практику. Было нанято 8 тыс. немецких и шведских ландскнехтов. Но денег не хватало, наемникам не платили жалованье, и летом 1610 г. в битве при Клушине они изменили русскому царю²⁸. Следующий опыт создания полков «иноземного образца» относится к началу 1630-х годов, когда предстояло возобновить борьбу с Польшей. Шведы, союзники России в этой борьбе, вновь предложили свою помощь. В январе 1630 г. в Москву прибыла шведская военная миссия, и возглавлявший ее полковник Александр Лесли предложил царю Михаилу Федоровичу создать наемную армию европейского образца. После длительного согласования планов в 1631 г. Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм с заданием завербовать в Швеции или в Германии 5 тыс. солдат и офицеров и, кроме того, закупить 10 тыс. мушкетов. Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков «иноземного строя». Осенью 1632 г. эти полки в составе многочисленной русской армии выступили к Смоленску, но осада была неудачной. Попытки отправить под Смоленск подкрепления натолкнулись на отсутствие денег в казне, и в итоге полки «иноземного строя» вместе со всей русской армией капитулировали. Когда остатки этих полков вернулись в Москву, они были распущены: наемников набирали только на время войны, их постоянное содержание обходилось слишком дорого²⁹. Таким образом, первые опыты использования полков «иноземного строя» были неудачными по причине отсутствия необходимых финансовых средств. В 1620-х годах московское правительство провело земельную перепись и назначило новые налоги, но дворяне стали подавать коллективные челобитные с жалобами. Протест был столь сильным и массовым, что власти были вынуждены предоставить помещикам льготы: налог с помещичьих крестьян был установлен в 10—16 раз меньшим, чем с государственных крестьян³⁰. Поскольку основная часть крестьян почти ничего не платила в казну, государство испытывало постоянный финансовый кризис, и это обрекало на неудачу все попытки создания новой армии.

Когда в 1654 г. началась новая война с Польшей, правительство Алексея Михайловича попробовало получить необходимые средства путем чеканки медных денег с номинальной стоимостью. Считается, что эта идея принадлежала А.Л. Ордин-Нащокину, который передал во дворец некие «статьи в тетрадах»; в этих «статьях» говорилось о том, «как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить»³¹. Предложения Ордин-Нащокина полностью копировали реформу, проведенную в 1625—1630 гг. шведским королем Густавом Адольфом: именно так, с помощью введения медных денег и наборов рекрутов («даточных») Густав Адольф создал первую в Европе регулярную армию. События были ускорены поражением, которое русская армия потерпела от шведов под Ригой; в 1658—1659 гг. были проведены три массовых набора даточных и сформировано 55 полков. Это была целая армия «иноземного образца», которой командовали и которую обучали несколько тысяч нанятых на Западе офицеров³². Огромные масштабы медной чеканки, естественно, привели к росту цен; в июле 1662 г. в Москве вспыхнул «медный бунт»; к восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им

платят медью³³. Таким образом, новая армия была создана на медные деньги и начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству пришлось срочно начать переговоры о мире с Польшей. После заключения мира армия «иноземного образца» была резко сокращена, солдаты частью обращены в стрельцов, частью отправлены в свои деревни с обязательством по призыву вернуться в строй. Оставшиеся же, как и стрельцы, жили слободами, имели семьи; часто вместо жалования они получали землю и, таким образом, превращались в военнообязанных крестьян. По существу, созданная в 1658—1662 гг. армия иноземного образца потеряла регулярный характер и превратилась в собираемую от случая к случаю крестьянскую «милицию»³⁴. В конечном счете в 1695 г., при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тыс. солдат; остальное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и из поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 г., князь Я.Ф. Долгорукий говорил Петру, что его отец устроением регулярных войск путь ему показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось «почитай все вновь делать и в лучшее состояние приводить»³⁵. Попытки создания регулярной армии «иноземного образца» упирались главным образом в финансовую проблему.

Казна оставалась пустой; с учетом инфляции доходы были меньше, чем в конце XVI века. Так же, как в других странах (например, в Дании), дворянство защищало свои налоговые льготы и противодействовало обложению поместных крестьян государственными налогами. Нехватка средств на содержание солдат заставляла понемногу повышать налоги, но это не решало финансовую проблему: как и раньше, поместные крестьяне платили в казну в 8—16 раз меньше, чем государственные. «Из этого видно, какой громадный источник дохода уступила казна в безотчетное пользование владельцев крепостных крестьян», — писал В.О. Ключевский³⁶. На протяжении XVII в. цари правили вместе с Боярской думой, которая поддерживала сословные привилегии дворянства, и даже Алексей Михайлович не решился нарушить эти привилегии ради создаваемой им армии «иноземного образца». Цари не были самодержцами и желали жить в мире со своими боярами и дворянами — недаром Алексея Михайловича называли «тишайшим». Военные реформы имели половинчатый характер. В отличие от Бранденбурга и Дании, Россия не испытала шока, связанного с чужеземным нашествием, поэтому ее правители могли тянуть время и обходиться паллиативными мерами: решающие события российской «военной революции» были еще впереди.

Попытки военных преобразований в XVII в. в Швеции и Дании сопровождались усвоением голландских военных технологий, заимствованием промышленных и культурных достижений Голландии. Голландское влияние сказало и в России. Для полков «иноземного строя» требовалось оружие — мушкеты и пушки. Поначалу и то и другое привозили из-за границы. Поскольку Швеция перекрывала выход к Балтике, то единственным каналом снабжения был путь через Архангельск. В период после Смуты этот путь был освоен тогдашними хозяевами морской торговли, голландцами, которые с огромной прибылью для себя продавали «москвитам» мушкеты и ружейные стволы из Льежа и Амстердама, а также железо и чугунные пушки из Швеции (если шведы сами отказывались продавать их в Россию). Привозили также шведскую медь (в России не было своей меди), из которой в Москве отливали медные пушки. Что касается чугунных пушек, то их в России в то время не делали: производство чугуна — это была новая западная технология, которая требовала постройки доменных заводов с вододействующими машинами. Впрочем, голландские купцы в России (так же как в Швеции и Дании) искали новые возможности для вложения своих капиталов, и один из них, Андриес Винуус, в 1632 г. предложил русским построить современный доменный завод

в Туле. Строительство стоило больших затрат, и Виниус был вынужден взять в компаньоны двух других купцов, Питера Марселиса и Телемана Акему. Первый завод был построен в 1637 г., а к 1660 г. в России было уже семь заводов, которые снабжали войска ядрами и пушками — правда, тульский чугун был «холодноломким» и качество орудий было далеко не лучшим³⁷. Пользовавшийся большим почетом у царя Виниус в 1646 г. принял православие и был записан в московские дворяне. В 1647 г. шведский резидент писал, что московское правительство «пользуется советами голландца Андрея Виниуса... который первым в России открыл железную руду и предан более русским, нежели немцам»³⁸.

Виниус, Марселис и Акема были первыми из числа голландских предпринимателей, которые связали свою судьбу с Россией. Еще одним известным «русским голландцем» был советник и помощник Ордин-Нащокина Ян ван Сведен. В 1659—1662 гг. ван Сведен обеспечил вооружение армии «иноземного строя», поставив в Россию из Голландии 105 тыс. мушкетов и карабинов; переселившись в Россию, он построил здесь первую бумажную мельницу и первую суконную фабрику. В 1665 г. Ордин-Нащокин поручил ван Сведену организацию регулярной почтовой службы, которая стала доставлять в Москву европейские газеты³⁹. «Русские голландцы» жили преимущественно в Немецкой слободе под Москвой; помимо купцов население этой слободы состояло из офицеров полков «иноземного строя», приглашенных в Россию медиков и мастеров различных специальностей.

Существование этого «островка» западной цивилизации сыграло исключительную роль в судьбе Петра I. До семнадцати лет он практически не контактировал с обитателями Немецкой слободы, но в сентябре 1689 г., во время конфликта с Софьей, познакомился с офицерами полков иноземного строя Патриком Гордоном и Францем Лефортом. Царь попросил Гордона показать ему учения его полка и долго беседовал с генералом⁴⁰. В следующем году Петр поручил Гордону сформировать из своих «потешных» солдат регулярный Преображенский полк. Офицеры-иноземцы должны были обучать «потешных», среди которых была молодежь знатных родов, «спальники» и «стольники» Петра. Преображенский полк тогда насчитывал 350—400 солдат; Петр знал их всех и поддерживал со всеми теплые или даже дружеские отношения. Чтобы показать своим друзьям пример готовности учиться и выполнять команды, Петр сам записался сержантом и поднимался в звании сообразно своим успехам⁴¹. Преображенцам в будущем предстояло стать опорой царя, новыми янычарами, как называл их Ключевский⁴². Однако до 1698 г. никто не мог предвидеть этого будущего, и сам Петр впоследствии называл тогдашние учения преображенцев (и даже Азовские походы) не более чем «младенческим игранием»⁴³.

Постоянно общаясь со своими военными командирами и учителями, Петр часто посещал Немецкую слободу, а ее обитатели старались всеми способами понравиться молодому царю. Голландские купцы показывали Петру привезенные из-за моря диковины, Гордон развлекал царя великолепными фейерверками, а «дебощан французский» Лефорт затянул Петра в пучину кутежей. «Тут же... — свидетельствует князь Куракин, — началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого умирать... И тут... первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первой быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова»⁴⁴. Среди этих развлечений сформировалась «компания» Петра, «Все-пьянейший собор» — примерно два десятка русских и «немцев» (в те времена «немцами» называли также голландцев, англичан, шведов). В этой «компании» не считали чинов и званий, конюхи из числа «потешных» (как Александр Меньшиков) пировали там вместе князьями и генералами. Петр называл своих

компаньонов «товарищами», а Гордона — «батюшкой», собутыльникам было приказано именовать царя «запросто» — «бомбардиром» или «шкипером». Почти всем «товарищам» впоследствии было суждено стать видными деятелями петровского царствования.

Подпаив под очарование Немецкой слободы, Петр стал с пренебрежением относиться к русским обычаям и порядкам. Вдобавок, молодой царь был уязвлен тем, что его не допускали к делам управления и патриарх Адриан был избран вопреки его воле. Постепенно вызревали семена будущего конфликта — в начале 1690-х годов они дали всходы, когда православные церковные процессии пародировали петровский «Всеянейший собор»⁴⁵.

Помимо пирушек и потешных маневров у Петра была еще одна всепоглощающая страсть: парусные корабли. Все началось с найденного в сарае английского ботика, но затем увлечение разрослось до такой степени, что Петр превратился в плотника и вместе с дюжиной помощников стал строить фрегаты на Переславском озере. «Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великорусской равнины?» — удивляется Е.В. Анисимов⁴⁶. В самом деле, этот вопрос — едва ли не главный в истории реформ Петра, и в поисках ответа нужно присмотреться к окружению царя, то есть к «Всеянейшему собору».

Люди постарше и посолиднее стремились избегать этой буйной компании, поэтому может показаться странным присутствие в ней пятидесятилетнего дипломата, инженера и ученого — Андрея Андреевича Виниуса. Как показали недавние исследования, этот человек сыграл особую и до сих пор недооцененную роль в истории Петра Великого⁴⁷. Андрей Виниус был сыном знаменитого основателя тульских заводов; он получил превосходное образование, знал шесть языков, служил в Посольском приказе и с дипломатическими миссиями объездил почти всю Европу. Помимо его собственного происхождения из известного купеческого рода, Виниус приходился родственником одному из самых богатых голландских купцов, Николаасу Витсену, бургомистру Амстердама, представителю Голландии в Генеральных штатах и президенту Ост-Индской компании. С 1665 г., когда Витсен приехал в Россию в составе нидерландского посольства, Виниус и Витсен поддерживали тесные деловые связи. Разумеется, Витсена интересовали прежде всего возможности расширения торговли через Россию, но, как у каждого настоящего первопроходца, его коммерческий интерес сочетался с научным: Витсен был ученым географом и этнографом, изучавшим страны, через которые проходили торговые пути. Голландцев, в частности, интересовал путь через Сибирь в Китай, и Виниус стал главным корреспондентом Витсена в России, поставлявшим сведения о Сибири. На основе этих данных Витсен потом издал свою «Карту Тартарии» — так называли в Европе страны Северо-Восточной Азии⁴⁸.

Однако главный интерес голландцев касался не Сибири, а вопроса об освоении торгового пути по Волге через Каспийское море, в Персию. Основным товаром Персии был шелк-сырец, который обычно вывозили в Европу через турецкие порты. Османские султаны собирали в этих портах пошлину, равную цене товара, поэтому освоение дороги через Россию казалось купцам более выгодным вариантом. Еще в 1667 г. Ордин-Нащокин подписал договор с армянской торговой компанией о транзите персидского шелка через Россию. Персидские армяне поначалу везли небольшие партии шелка через Архангельск, где их скупали голландские купцы во главе с Кунардом ван Кленком, однако этот маршрут был маловыгодным, и в конце концов они получили позволение торговать через принадлежавшую шведам Нарву⁴⁹. Русское правительство намеревалось принять участие в шелковой торговле, и Ордин-Нащо-

кин поручил ван Сведену построить современный парусный корабль для плавания по Каспийскому морю. Виниус участвовал в реализации этого проекта и представил Ордин-Нащокину особую записку, в которой доказывал необходимость строительства не только парусников, но и галер. Виниус, считал, что галеры практичнее парусных судов, так как они способны подниматься по впадающим в Каспийское море рекам и, вероятно, таким образом можно будет добраться до Индии⁵⁰. Были наняты голландские корабельные мастера и матросы, но когда построенный корабль «Орел» спустился по Волге к Астрахани, он был захвачен здесь казаками Разина. Они захватили также много шелка, привезенного в Астрахань персидскими армянами, вследствие чего началась тяжба о возмещении убытков. Отношения с Персией были испорчены, и персидские купцы лишились права на свободный транзит товаров через Россию⁵¹.

В 1672 г. Виниус был направлен в Европу со специальным посланием царя, призывающим к созданию антитурецкой коалиции и к прекращению, ради этой «высшей» цели, войны между Францией и Голландией. Фактически это означало оказание дипломатической поддержки Голландии, которая подверглась нападению французской армии. Во время этой поездки Виниус встречался с Витсенем и с руководителями республики Соединенных провинций⁵². Через год после возвращения Виниус встречал в Москве Кунрада ван Кленка, приехавшего в Россию в качестве голландского посла. Задачей ван Кленка было добиться помощи путем вовлечения России в войну с союзником Франции, Швецией. В случае вступления в войну Россия могла бы приобрести Нарву, Ивангород и Нотебург — ключевые пункты «шелкового пути». Кроме того, ван Кленк предложил царю Алексею проект организации совместной русско-голландско-персидской торговли шелком, который предполагал свободный провоз голландцами своих товаров вплоть до Астрахани⁵³. Реализация этого проекта, по оценке ван Кленка, могла дать голландским купцам несколько миллионов рейхсталеров в год. Чтобы добиться своих целей, ван Кленк через посредство Виниуса предлагал главе Посольского приказа А.С. Матвееву богатые подарки⁵⁴. Если учесть, что в то время все годовые доходы русского правительства составляли примерно 2 млн рейхсталеров⁵⁵, то становятся понятными как грандиозные масштабы «каспийского проекта», так и горячая заинтересованность всех причастных к нему лиц, в том числе и Виниуса (который даже завел шелковую фабрику). Однако компаньоны достигли лишь частичного успеха: право на провоз шелка было вновь предоставлено персидским армянам, которые, таким образом, могли сбывать его голландцам, минуя посредничество русских купцов. Но в начале 1676 г. царь Алексей умер, Матвеев вскоре отправился в ссылку, и новые власти, вняв протестам русских купцов, дезавуировали заключенный договор⁵⁶.

Шелковая мануфактура Виниуса перестала давать доход, и он передал ее Посольскому приказу⁵⁷. В 1675 г. Виниус стал заведовать почтой, он получал выписываемые Посольским приказом европейские газеты и докладывал правительству поступающую из разных источников информацию. Переведенные Виниусом материалы входили в состав предназначенных для царя и его окружения рукописных сборников новостей — «Курантов»; иногда почтмейстер сам читал новости царю и боярам⁵⁸. Среди корреспондентов Посольского приказа было много голландских купцов, которые вели торговлю с Россией и в надежде на получение привилегий регулярно осведомляли русское правительство о событиях за границей. Не довольствуясь этим, почтовые служащие вскрывали и перлюстрировали проходившие через их руки письма⁵⁹. Таким образом, Виниус стоял в центре обширной сети по сбору информации внешнего и внутреннего характера; часть этой информации он тайно поставлял Витсену, голландскому резиденту ван Келлеру и, возможно, некоторым другим лицам. О

том, какое влияние приобрел Виниус, говорит то обстоятельство, что когда в ходе одной тяжбы ему потребовалось заявить о благородном происхождении (что не соответствовало действительности), в его пользу лжесвидетельствовали не только ван Келлер и Гордон, но также датский резидент Бутенант и шведский резидент фон Кохен⁶⁰.

Голландцы продолжали попытки реализовать «каспийский проект», и в начале 1690 г. Витсен прислал царю подробный план организации торговли с Персией и Китаем через территорию России. Как и раньше, речь шла о том, чтобы предоставить голландцам право свободного транзита, но в торговле должны были участвовать и русские купцы, которые становились членами голландских торговых компаний. В случае успеха этого проекта Витсен обещал перевести на каспийский транзитный маршрут всю азиатскую торговлю Ост-Индской компании. В результате реализации проекта московское правительство должно было получить огромные доходы от таможенных пошлин⁶¹. К письму Витсена была приложена «карта Тартарии», составлению которой так способствовал Виниус и на которой был изображен морской путь от Архангельска в Китай (хотя в то время никто не знал о существовании пролива между Азией и Америкой). Кроме того, на карте была изображена неизвестная река, якобы текущая с востока и впадающая в Каспийское море — по этой реке можно было добраться до пределов Индии. К. Ботерблюм утверждает, что именно Виниус преподнес и растолковал царю карту Витсена⁶². Петр заинтересовался проектом Витсена, голландский резидент Келлер писал, что москвитяне замыслили грандиозные торговые проекты, и что голландцы могут принять в них участие⁶³.

1 апреля 1691 г. цари Петр и Иван в своей грамоте изъявили милость Витсену за «объявление», «каким подобием могут удобнейшие состояться торги и прибыльные торговые прибитки к доброму получению и великому сбору нашей Царского Величества пошлинной казны... от проезда торговых людей через наши Царского величества Великороссийские государства в Персиду и через Сибирь в Хинское или Китатское государство». Особой благодарности Витсен удостоился за то, что «изобразил и подал нам, Великим Государям, чертеж тех Сибирского и Хинского государств»⁶⁴. Цари обещали издать указ по поводу проекта Витсена — но указа не последовало: по-видимому, Боярская дума не разделяла энтузиазма молодого Петра. На ближайшее время дело ограничилось тем, что в марте 1692 г. по согласованию с Витсеном было отправлено русское торговое посольство в Китай; это посольство возглавил друг Виниуса, голландский купец Избрант Идес. Известно, что в дороге Идес руководствовался картой Витсена⁶⁵. Специалисты полагают, что именно письмо Витсена помогло Виниусу войти в круг ближайших друзей молодого царя. Кроме того, в силу своих обязанностей Виниус рассказывал царю о европейских новостях.

У Виниуса была обширная библиотека, состоявшая по большей части из голландских и немецких книг. Петру особенно понравилась книга об истории мореплавания и судостроения, автором которой опять же был Витсен. Виниус переводил для царя эту книгу, а потом по просьбе Петра стал учить его голландскому языку⁶⁶. Молодой царь не имел учителей, достойных этого имени, и Виниус постепенно утвердился в роли наставника. Он учил Петра голландскому языку и, конечно, в процессе обучения рассказывал о Голландии, о мореплавании, о европейской политике. Опытные учителя могут формировать мировоззрение своих учеников. Как известно, Александр I был обязан своему воспитателю, республиканцу Ф. Лагарпу, «всем, кроме своего рождения», а Николай I стал дисциплинированным кадетом под руководством своего учителя, генерала М.И. Ламздорфа. Какие цели преследовал Виниус? Конечно, на

первом месте стояли интересы голландской торговли — в особенности судьба грандиозного «каспийского проекта».

Многие историки отмечают, что после первой поездки на Переславское озеро любовь Петра к парусному спорту стала ослабевать, что, занятый маневрами и кутежами, он два с половиной года не интересовался судьбой судов, которые он приказал построить. Поначалу плавание под парусами было для него лишь одной из потех, но в 1691 г. настроение царя изменилось: М.Ф. Поссельт пишет, что под влиянием неких «иностранцев» Петр оценил перспективы создания флота и вернулся на Переславское озеро⁶⁷. Очевидно, Витсен и Виниус использовали увлечение царя плаванием под парусами, чтобы возбудить в Петре любовь к морю, к океанским кораблям и к далекой стране мореходов и купцов. Петр еще не видел моря и не успел побывать в Голландии, но летом 1692 г. он несколько дней праздновал победу голландцев и англичан над французским флотом в сражении у мыса Ла-Хог. Эта победа вызвала у Петра такой энтузиазм, что он порывался отправиться в Голландию, чтобы служить под командой Вильгельма III, и приказал своему Переславскому «флоту» салютовать в честь голландского штатгальтера.

Все эти поступки вызывали немалое удивление иностранных послов — ведь Россия не числилась среди союзников Голландии в этой войне⁶⁸. Действительно, по какой причине Петр стал праздновать морские победы Вильгельма III, подписываться по-голландски («Peter») и по-голландски обращаться к своим друзьям («Min Heer»)? При том, что его ближайшие друзья, Гордон и Лефорт, не были ни голландцами, ни моряками, а Гордон был прямым врагом Вильгельма III и панически боялся моря? Да и Лефорт лишь с трудом переносил морские «забавы» Петра⁶⁹. В 1693 г. Петр вместе с Виниусом (и другими членами «компаний») отправился в Архангельск, чтобы посмотреть на знаменитые голландские «флейты» и фрегаты. Через посредство Виниуса и Витсена он заказал один фрегат и в следующем году снова поехал в Астрахань, чтобы встретить его. На этом фрегате был впервые поднят российский морской флаг — такой же, как голландский, лишь с изменением порядка цветов. Зачем был нужен этот корабль? Оказывается, Петр собирался искать морской путь в Китай и Индию через Северный океан — как это предлагалось в проекте Витсена. Однако трудности северного мореплавания были очевидны (Петр едва не погиб во время шторма), и следующим заказом Петра Витсену была галера. Почему именно галера — ведь Петр мечтал о парусных кораблях? Как предлагал Виниус еще в 1668 г., галеры нужны были для того, чтобы плавать за шелком в Персию и, если удастся, подняться до Индии по какой-то неведомой реке. Стараниями Виниуса и Витсена Петр одобрил «каспийский проект»: по образцу голландской галеры в Дединове на Оке предполагалось построить целый галерный флот, который вместе с парусными галиотами займется транспортировкой персидского шелка. Петр намеревался самолично участвовать в экспедиции на Каспийское море⁷⁰. Однако на деле поиски «реки в Индию» были отложены до 1710-х годов, а персидский поход Петра I состоялся лишь через 28 лет.

Первое препятствие для «каспийского проекта» создала возобновившаяся война с Турцией и Крымом. При организации первого похода на Азов на Виниуса была возложена задача обеспечить полки артиллерией и закупить через посредство Витсена пушки в Голландии. Поход 1695 г. закончился неудачей, и Петр пришел к выводу, что без помощи флота турецкими крепостями не овладеть, и строить галерный флот нужно не в Дединове, а в Воронеже. Виниусу было приказано организовать доставку заказанной в Голландии галеры в Москву; ее везли в разобранном виде на 20 специальных санях. По образцу этой галеры в Преображенском срубили части для 22 галер, Виниус отправил их в Воронеж, где и началась сборка. Галерный флот сыграл решаю-

щую роль в кампании 1696 года; в конечном счете Азов был взят, и Петр поручил Виниусу организовать празднества в ознаменование победы. Характерной деталью этого празднества было триумфальное шествие, в котором Петр шел в костюме голландского капитана — еще одно свидетельство странной заочной любви царя к далекой стране ⁷¹.

Некоторые авторы называют Виниуса «идеологом» при молодом Петре. Переписка Петра и Виниуса во время Азовских походов и позже, в период Великого посольства, красноречиво говорит о характере их отношений. Петр пишет Виниусу намного чаще, чем другим лицам, и пишет по-дружески, как равному. Интересно, что в их переписке 1694—1695 гг. часто встречаются аллегории на темы греко-римской мифологии — явление совершенно нетипичное для русской культуры того времени. Возникает естественный вопрос: кто, если не Виниус, в свое время переводивший басни Эзопа, мог научить молодого царя изъясняться таким языком? ⁷² В своих письмах Виниусу царь выказывает крайнюю степень доверительности, он упоминает бытовые подробности, пишет о своих пирушках и о том, что им иногда сопутствовало. Вот например, письмо от 2 июля 1698 г.: «На день святых апостол было нас гостей мужеска и женска пола больше 1000 ч. и были до света и беспрестанно употребляли тарара, тарара кругом, из которых иные и свадьбы сыграли в саду» ⁷³. Рядом с такими деталями обсуждаются и серьезные вопросы: Виниус постоянно просит Петра нанять мастеров разных специальностей — и может сложиться впечатление, что инициатором промышленной модернизации России был не Петр, а Виниус ⁷⁴. При ближайшем рассмотрении это впечатление усиливается. С 1694 г. Виниус фактически руководил Сибирским приказом, где он застал состояние хаоса: воеводы творили насилие, царские доходы разворовывались и казна была пуста. Три года ушло на проверки и отстранение проворовавшихся чиновников, и это было не просто, так как многие сибирские воеводы происходили из княжеских родов и имели могущественных покровителей в Боярской думе. Виниус убедил Петра, что воевод нужно назначать не по знатности, а по способностям — вероятно, это было первое массовое применение петровского принципа возвышения за заслуги. Затем Виниус организовал караванную торговлю с Китаем, ввел государственную монополию на торговлю мехами, восстановил питейную монополию и увеличил доходы Сибирского приказа в двадцать раз! На эти деньги он начал строительство горных заводов на Урале — именно для этих заводов Виниус искал мастеров за границей. По существу, Виниус проводил в Сибири ту политику реформ, которые позднее проводил Петр в масштабах всей страны ⁷⁵.

Царь в этот период был занят в основном военными и морскими делами. После взятия Азова встала задача создания флота для Азовского моря; нужны были мастера, чтобы строить корабли, и морские офицеры, чтобы командовать этими кораблями. Петр послал пятьдесят своих стольников учиться морскому делу за границу — в Голландию, Англию и Венецию. В числе «командированных» были многие друзья Петра, и царь, как и раньше, не пожелал отделяться от своей «компании» и сам отправился в учение за границу в качестве «бомбардира Петра Михайлова». Впрочем, стажировка царственного плотника на голландских верфях была не столько данью необходимости, сколько результатом увлечения Петра морским делом, а также подогреваемым Виниусом интересом к Голландии ⁷⁶. «Образовательное путешествие» царя в далекие земли было неслыханным делом для традиционного мировоззрения Московии, тогда как для Виниуса и Витсеа такое путешествие было в порядке вещей. Они, конечно, знали о том, как Йохан Скитте уговорил молодого Густава Адольфа посетить Голландию под именем капитана Гирса, и о реформах, которые за этим последовали. И хотя история не сохранила непосредственных свидетельств о

роли Виниуса в организации путешествия Петра, имеются свидетельства о другом проекте такого рода. В 1699 г. Петр I намеревался отправить на учебу в Голландию своего сына Алексея, и его воспитателем должен был стать Виниус⁷⁷. Что это, как не признание заслуг Виниуса в воспитании самого Петра?

В самом начале путешествия с Петром произошел странный случай, во многом повлиявший на дальнейшие события его царствования. Голландский купец И. Любс, один из друзей и осведомителей Виниуса, якобы прислал письмо, в котором сообщал, что шведы замыслили убить царя, когда он будет проезжать через Ригу, и что убийство поручено некоему капитану Врангелю⁷⁸. Сообщение о готовившемся покушении и недовольство царя приемом в Риге спустя несколько лет послужили одним из поводов для войны со Швецией. Однако шведы в то время не желали зла царю Петру — наоборот, они оказывали ему помощь в войне с Турцией, поэтому сообщения Любса и Виниуса о коварных шведских планах выглядят неправдоподобными. Скорее всего, это была интрига Виниуса, который еще в 1675 г. вместе с ван Кленком пытался спровоцировать войну между Россией и Швецией: война за Нарву была частью «каспийского проекта».

Когда Петр в составе «Великого посольства» прибыл в Голландию, то первым предложением, с которым обратилось посольство к Генеральным штатам, было предложение об организации шелковой торговли с Персией. Однако в качестве ответной услуги Штатов послы просили о помощи в войне с Турцией, а международное положение было таково, что Голландия была заинтересована в скорейшем окончании этой войны. При встрече с Петром (на которой присутствовал и Витсен) штатгальтер Вильгельм III уговаривал царя заключить мир с турками и обещал свое содействие в получении Россией портов на Балтийском море. Таким образом, речь снова шла о прорыве «нарвского заслона» на пути шелковой торговли. Сохранился текст произнесенной на этой встрече приветственной речи Петра, в которой он выражал восхищение «священной особой» Вильгельма III в столь неумеренных выражениях, что историки долгое время отказывались считать этот документ подлинным. Более того, царь обещал Вильгельму помощь русской армии в случае новой войны с Францией. Однако никаких реальных договоренностей достигнуто не было, переговоры свелись к обмену любезностями⁷⁹. Неофициально посольство добилось более существенных результатов. Нидерланды были страной, в которой крупные города и купеческие корпорации пользовались значительной самостоятельностью, и через посредство Витсена Петру удалось установить связи с амстердамским купечеством. Это сыграло важную роль в Северной войне, когда амстердамские купцы в огромных количествах поставляли в Россию оружие, несмотря на официальный запрет правительства Соединенных провинций⁸⁰. Во время пребывания в Голландии Петр находился под опекой Витсена, который составил для царя «культурную программу», предусматривавшую беседы с купцами, посещение порта, мануфактур, мастерских, музеев и лабораторий крупных ученых. Петр некоторое время изучал математику и навигацию у Альбертсона ван Дама, работал в мастерских инженера-механика ван дер Гейдена, побывал у изобретателя микроскопа Левенгука и в анатомическом театре профессора Рюйша, познакомился с архитектором Шейнфойтом и со знаменитым военным инженером ван Кегорном⁸¹. Цель Витсена и Виниуса, очевидно, состояла в том, чтобы вызвать восхищение царя и приобщить его к голландской культуре, сделать из Петра «русского голландца». С этого времени в душе Петра поселилась мечта превратить Россию в Голландию, а главное — построить свой Амстердам, город кораблей, каналов и многоэтажных каменных зданий.

Петр возвращался в Россию с решительным намерением при поддержке цивилизованных голландцев преобразовать свою страну и, как он выражался в

минуты откровенности, «обратить скотов в людей»⁸². «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию», — писал Н.М. Карамзин⁸³. Как видно, это «перевоспитание» Петра I было проявлением голландского диффузионного влияния — влияния, которое сказывалось во всех странах Балтии. Густав Адольф и Фридрих Вильгельм тоже посещали Голландию и, вернувшись, пытались подражать этому центру западной цивилизации: нанимали голландских мастеров, строили мануфактуры и флот, отправляли экспедиции за моря. В Копенгагене голландское влияние оказалось столь сильным, что местные бюргеры потребовали уравнивать их в правах с дворянами — и в конечном счете добились своего. Однако развитие балтийских государств все же шло в другом направлении, нежели развитие Голландии, — в направлении к абсолютизму. Россия тоже двигалась к абсолютизму, хотя до своего возвращения из Голландии Петр не был абсолютным монархом: он правил вместе с Боярской думой. Таким образом, предстоит еще ответить на вопрос, каким образом и почему Петр Великий стал самодержцем и императором.

(Окончание следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. Вопросы истории, 2002, № 11, с. 30—53.
2. POE M. The Military Revolution, administrative development, and cultural change in Early Modern Russia. — The Journal of Early Modern History, 1998, vol. 2, № 3, p. 247—273; и др.
3. ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого. Т. 9. М. 1838, с. 59—60.
4. СЫРОМЯТНИКОВ Б.И. «Регулярное государство» Петра Первого и его идеологи. М. 1943, с. 126; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4. М. 1937, с. 89—90.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. 3. М. 1937, с. 199.
6. КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 261, 286.
7. СМИРНОВ П.П. Правительство Б.И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент. 1929, с. 13; ЧЕРЕПНИН Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1978, с. 345.
8. БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 34; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч. Т. 4, с. 221.
9. СЕДОВ П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб. 2006, с. 51; OSTROWSKI D. The Façade of legitimacy: Exchange of power and authority in Early Modern Russia. — Comparative Studies in Society and History, 2002, vol. 44, № 3, p. 542.
10. КОТОШИХИН Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1859, с. 105.
11. Там же, с. 25; ЕВРЕИНОВ В.А. Гражданское чиновничество в России. СПб. 1887, с. 14; СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 472.
12. ЕВРЕИНОВ В.А. Ук. соч., с. 21, 24.
13. МАНЬКОВ А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб. 1998, с. 31.
14. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 13, 7.
15. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума Древней Руси. М. 1882, с. 507.
16. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Феодализм в древней Руси. М.-Пг. 1924; СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 552.
17. ЧЕРНОВ А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М. 1954, с. 127—128.
18. ПЛАТОНОВ С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. М. 1925, с. 109; БАЗИЛЕВИЧ К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М. 1936, с. 105.
19. САХАРОВ А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма. — История СССР, 1971, № 1, с. 121; АНДРЕЕВ И. Не тихий Тишайший. — Родина, 1998, № 9, с. 40.
20. КОТОШИХИН Г. Ук. соч., с. 105.
21. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 62; ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 343.
22. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 551.

23. БОГДАНОВ А.В. В тени Петра Великого. М. 1998, с. 261.
24. ХБЮЗ Л. Царевна Софья. СПб. 2001, с. 134, 139.
25. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Ук. соч., с. 155.
26. СЕДОВ П.В. Ук. соч., с. 13—14; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 9, 18; DUNNING Ch., SMITH N. Moving beyond absolutism: was early modern Russia a «fiscal-military» state? — Russian History, 2006, vol. 33, № 1.
27. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 1. М. 2007, с. 37; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 175, 178; ЧЕРЕПНИН Л.В. Ук. соч., с. 355.
28. ВАЛИШЕВСКИЙ К. Смутное время. СПб. 1911, с. 316—319.
29. БРАНДЕНБУРГ Н. Очерки состояния военного дела на Руси в первой половине XVII века. — Военный сборник, 1869, № 4, с. 162; ДБЮКС П. Семейство Лесли в шведский период (1630—1635) Тридцатилетней войны. В кн.: Россия и мировая цивилизация. М. 2000, с. 155—157; СТАШЕВСКИЙ Е. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. Киев. 1919, с. 6, 149, 186.
30. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Сошное письмо. Т. 2. М. 1916, с. 488—493.
31. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Ук. соч., с. 12; СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 6. М. 1990, с. 47.
32. ЧЕРНОВ А.В. Ук. соч., с. 144—145.
33. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Ук. соч., с. 108.
34. МАЛОВ А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656—1671 гг. М. 2006, с. 575.
35. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4, с. 66.
36. Там же, т. 3, с. 248.
37. ГАМЕЛЬ И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1828, с. 6—12, 27; КУРЦ Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев. 1915, с. 169.
38. Письмо одного шведа из Москвы, в 1647 году писанное. — Северный архив, 1822, № 1, с. 151.
39. ВЕЛУВЕНКАМП Я. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М. 2006, с. 179—180; ЦВЕТАЕВ Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М. 1890, с. 716, 723.
40. ГОРДОН П. Дневник. 1684—1689. М. 2009, с. 213.
41. БОБРОВСКИЙ П. Потешные и начало Преображенского полка. СПб. 1899, с. 58, 63; БОЛТУНОВА Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. 2011, с. 175—176.
42. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. 4, с. 88.
43. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб. 1887, с. 28—29.
44. КУРАКИН Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682—1695 гг. — Русская старина, 1890, т. 68, № 10, с. 249.
45. КОРБ И.Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906, с. 255; БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 182; УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб. 1858, с. 128.
46. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 20.
47. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII века. Канд. дисс. М. 2000; ЮРКИН М.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641—1716. М. 2007; VOTERBLOEM K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641—1716. London. 2013.
48. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 60—61; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 37.
49. VOTERBLOEM K. Op. cit. P. 61; КУРУКИН И.В. Персидский поход Петра Великого. М. 2010, с. 22; ВЕЛУВЕНКАМП Я. Ук. соч., с. 152.
50. Дополнение к актам историческим. М. 1855, с. 404—405; КОЗЛОВСКИЙ И.П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого. СПб. 1911, с. 8.
51. КУРЦ Б.Г. Ук. соч., с. 150.
52. БЕЛОВ М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. В кн.: Россия в XVII—XVIII вв. М. 1966, с. 63; МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 41.
53. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 50, 1675 г., д. 3, л. 536—541.
54. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб. 1900, с. 422 и примеч. 67.
55. МИЛЮКОВ С.Г. Ук. соч., с. 73—76.
56. РГАДА, ф. 50, 1676 г., д. 1, л. 16—17.
57. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 90.
58. Ibid., p. 55—58.
59. КУРЦ Б.Г. Ук. соч., с. 160.
60. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 57—58, 67, 103, 108—109.
61. РГАДА, ф. 50, 1690 г., д. 1, л. 1—5об.
62. VOTERBLOEM K. Op. cit., p. 142.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефедов

IV. Каковы были последствия европейской поездки Петра I? «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию», — писал Н.М. Карамзин¹. Вернувшись в Москву, Петр принялся резать бороды боярам, заставил горожан носить «немецкие» кафтаны, перенес празднование Нового года на 1 января. Конечно, эти поспешные меры были свидетельством увлеченности царя и имели поверхностный характер: они не затрагивали ни экономику, ни социальную сферу. Более важными были меры по созданию флота — ведь мореплавание было основой процветания Голландии. Приступая к реализации своего плана, Петр нанял в Голландии и Англии более пятисот мастеров-ремесленников, офицеров и матросов². Было заключено даже несколько профессоров для обучения будущих офицеров, в том числе математик из Абердинского университета Генри Фарварсон. Нанятые голландцы в большинстве стали матросами Азовской флотилии; командовать ею должен был адмирал Корнелис Крюйс, которого амстердамский бургомистр Витсен с трудом уговорил принять предложение Петра I³.

Хотя Великое посольство отправилось в Голландию с целью укрепления антитурецкой коалиции, советы Вильгельма III и Витсена навели Петра на мысль о приобретении порта на Балтике. Выход на Балтику был необходим для реализации «каспийского проекта» Витсена — для организации «шелкового транзита» из Персии в Голландию, что обещало огромные прибыли как голландским купцам, так и русской казне. Однако попытка прорваться на Балтику означала неминуемую войну со Швецией. Возвращаясь из поездки в Европу, Петр встретился с польским королем Августом II и попытался договориться с ним о совместных действиях против Швеции. Но на свидании в Раве-Русской речь шла лишь о предварительном выяснении намерений: будущие союзники в то время не были готовы выступить против шведов⁴.

Причиной этой неготовности была не только продолжавшаяся война с Турцией, но и техническая отсталость русской армии. Во время путешествия

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1, 2.

Нефедов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

на Запад Петр познакомился с последними достижениями в военной технике. Примерно с 1660-х годов в Европе начался новый этап военной революции, связанный с появлением облегченного мушкета со штыком. Новый мушкет, «фузея» (франц. fusil), был снабжен усовершенствованным кремневым («батарейным») замком, что намного упростило зарядание. Для зарядания прежних, фитильных мушкетов требовалось совершить 42 движения-«темпа», а для зарядания фузеи только 16, что увеличило скорострельность с одного выстрела в две минуты до двух выстрелов в минуту. К тому же относительно легкая фузея могла стрелять без сошки, а вставив в дуло штык («багинет»), ее можно было использовать и как копьё⁵. Таким образом, огневая мощь мушкета резко увеличилась, а штык превратил его в комбинированное стреляющее и колющее оружие, пригодное отражать атаки кавалерии огнем и штыками. В результате присутствие пикинеров в составе батальонов стало излишним. В 1684 г. пика была снята с вооружения в австрийской армии, а затем в армиях Саксонии и Бранденбурга. На смену сложным передвижениям мушкетеров и пикинеров пришла линейная тактика: мушкетеры строились в линию из 4—6 шеренг; при приближении к противнику первая шеренга стреляла и становилась на колени (или даже ложилась), заряжая ружья, затем то же самое делала вторая шеренга, затем третья, и так далее⁶.

Австрийская армия первой пожала плоды этих фундаментальных инноваций: предводимые Евгением Савойским, они в 1697 г. разгромили турок в сражении при Зенте, а затем завоевали Венгрию. Петр I послал к принцу Евгению майора Преображенского полка австрийца Адама Вейде, который прошел стажировку в имперских войсках и даже участвовал в битве при Зенте. По возвращении в Москву Вейде на основе австрийских документов подготовил новый воинский устав под названием «Краткое обыкновенное учение».

Петр I был в курсе важнейших военных новинок; еще в Голландии он через посредство Витсена закупил для русской армии 30 тыс. фузей, а затем в Вене наблюдал за маневрами австрийских полков. Во время встречи с Августом II в Раве-Русской царь беседовал с генералом Флемингом и под его руководством принимал участие в маневрах саксонской армии. Характерно, что Петр задержался на этих маневрах на четыре дня, хотя торопился в Москву, встревоженный известиями о стрелецком бунте⁷.

Известия о новом выступлении стрельцов утвердили царя в мысли, что стрельцы исполняют волю его врагов-бояр и он может опираться только на своих преобразенцев. По возвращении в Москву 25 августа 1698 г. Петр, не заезжая в Кремль, сразу направился в Преображенское; при этом он ночевал не во дворце, а в маленьком деревянном доме, стоявшем среди солдатских казарм; вокруг этого дома были установлены пушки⁸. В следующие дни Петр устроил учение Преображенского и Семеновского полков. «Царь смотрел на воинские упражнения своих полков, — свидетельствует секретарь имперского посольства И.Г. Корб, — как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе»⁹ — то есть Петр самолично принялся учить солдат новой линейной тактике.

Мятеж стрельцов представлялся ему частью боярского заговора, возглавляемого тайными сторонниками Милославских. «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами, — говорил он имперскому послу Гвариненту. — И что еще больше печалит мой ум, я должен теперь прямо признать, что долгое время они не только старались меня погубить, но и против меня (кроме двоих или троих) лелеют дух измены»¹⁰. Дядя Петра, Л.К. Нарышкин, посоветовал ему не шадить врагов. «Царь сказал: “Ей богу, так и будет и очень скоро будет сделано в точности так, как ты советуешь”. Теперь большинство

ежечасно ждет с содроганием сердца, когда будет объявлено принятое решение об этом», — так заканчивает Гвариент свое донесение в Вену¹¹.

Чтобы выявить вождей заговора, Петр приказал заново расследовать обстоятельства мятежа и сам участвовал в пытках стрельцов, но не нашел свидетельств против бояр. 23 октября Корб стал свидетелем спора царя с боярами, когда «не щадили ни слов, ни рук»: разъяренный царь дошел до рукоприкладства¹². Подробности этого спора приведены в записках Джона Перри, одного из капитанов, нанятых Петром во время поездки на Запад. Оказывается, дело было не в мнимом заговоре бояр: конфликт имел финансовый характер. 11 сентября 1698 г. царь подписал указ о роспуске московских стрелецких полков: царь не доверял стрельцам — в его мнении они были «только пакасники, а не воины»¹³. Требовалась новая, вооруженная фузеями и обученная линейному строю «регулярная» армия. Но такие солдаты обходились дороже стрельцов, и царь задумал повысить вдвое налоги с городов, а посадским людям дать городское самоуправление по типу голландского. При этом воеводы (часто происходившие из боярских родов) лишались не только власти, но и сопряженных с ней официальных и неофициальных доходов. «Но когда в торжественном собрании Господ (т.е. в Боярской думе. — С.Н.) царь сделал им это полезное предложение, — свидетельствует Перри, — то оно вызвало борьбу в среде дворян, так как отсекало значительную отрасль их власти... Убедившись, что борьба ни к чему не приведет и что под конец царь начал уже сердиться на них, они начали бояться, что несколько голов будет отрублено для примера заслушание, и принуждены были покориться»¹⁴. Корб рассказывает, что 1—2 января 1699 г. Петр вызвал бояр в Преображенское, но даже здесь, посреди военного лагеря, они осмелились перечить царю, и в итоге одного из них пришлось высечь¹⁵, а указ о местном самоуправлении был подписан 30 января 1699 г. как царский именной указ, без упоминания о «боярском приговоре»¹⁶.

Вся эта борьба царя и Боярской думы сопровождалась появлявшимися слухами о новых стрелецких мятежах в Белгороде, в Азове, в других местах; в Москве каждый день совершались казни стрельцов, и царь иной раз открыто угрожал боярам¹⁷. Датский резидент Г. Грунд писал, что эти казни вселили ужас в бояр, что царь «навел этим страх на своих подданных, которые с тех пор должны были склоняться перед ним и с величайшей покорностью выполнять его приказы»¹⁸. Насильственное стрижение боярских бород и резание рукавов кафтанов в такой обстановке выглядит как выражение не только стремления придать знати европейскую внешность, но и желания унижить своих противников. Во время похорон Лефорта бояре прошли вперед иностранных послов, и царь сказал послам: «Это — собаки, а не бояре мои», а потом обратился к боярам со словами: «Неужели вы радуетесь его смерти?»¹⁹. 6 января во время праздника Водосвятия Петр устроил настоящую демонстрацию военной силы: он вывел к Москве-реке одетые в новую немецкую форму Преображенский и Семеновский полки и с протазаном в руках стоял в рядах своих «янычар», наблюдая, как бояре идут к «иордани». По обычаю, царю полагалось участвовать в шествии и патриарх должен был окропить его святой водой из проруби — теперь все обычаи были забыты²⁰.

Январь 1699 г. оказался решающим: Дума была сломлена и практически исчезла со страниц исторических документов. «Приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего... делаются малозаметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции», — констатировал Ключевский²¹. «Самое главное, — свидетельствует Гвариент, — заключается в том, что царь с каждым днем все больше и больше убеждается, что во всей империи не найдется ни одного из его родственников по крови и никого из бояр, которым можно было бы доверить

важное дело, поэтому *он вынужден возложить тяжкое бремя империи на себя и отстранить от дел бояр* (которых он называет неверными собаками), чтобы по-новому и иначе взяться за управление»²².

Наиболее яркое описание происшедшего переворота дал прусский посол И.Г. Фоккеродт: «С этой (стрелецкой. — С.Н.) казни... Петр пользовался *самой полной самодержавной властью* в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода... всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения ни какой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой»²³. «Он отнял у всех дворян, от высшего до низшего, самую малейшую тень их старых преимуществ, — добавляет Фоккеродт, — и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр»²⁴.

Старинная формула «Великий государь указал и бояре приговорили», которая обычно сопровождала важнейшие указы, изредка появлялись в них и после 1698 г., но, по-видимому, Ближняя канцелярия вставляла ее по традиции, уже не созывая Думу²⁵. Прусский посол верно уловил смысл перемен: царь перестал советоваться с боярами. Это особенно выразилось в общении Петра I с иностранными послами: царь теперь вел переговоры один, не соблюдая прежних официальных церемоний и сохраняя результаты переговоров в тайне от высших сановников²⁶.

Приращение Думы сопровождалось окончательным разрывом царя с патриархом Адрианом. Еще незадолго до отправления Великого посольства царь называл патриарха Государем и оказывал ему знаки почтения. Но по возвращении Петра, когда начались стрелецкие казни, патриарх осмелился прийти в застенки с иконой и умолять царя смягчить свой гнев. Это противодействие вызвало крайнее раздражение Петра, он запретил без своего разрешения создавать новые монастыри, отменил торжественное шествие патриарха на пасху, а также обычай целования царя с патриархом на Новый год. На праздновании Нового года (которое было перенесено на 1 января) патриарх по обычаю должен был благословить царя, но Адриан сказался больным, и Петр остался без благословения. В 1700 г. Адриан умер, и Петр стал управлять церковью — так же как всем государством — с помощью именных указов²⁷.

Итак, Петр I отстранил от власти Боярскую думу, взял все управление на себя и стал абсолютным, неограниченным монархом. Это был *государственный переворот*. Или «революция сверху» — как называют такие абсолютистские перевороты скандинавские историки²⁸. Самое удивительное, что этот переворот до последнего времени не был замечен историками. Е.В. Анисимов вскользь упоминает, что «по мере установления самодержавия Боярская дума... утрачивала свое значение»²⁹; Н.И. Павленко пишет об «эволюции политической системы страны в сторону абсолютизма»³⁰; Г.В. Талина отмечает, что «в середине XVII в. самодержавная Россия вступала в пору развития абсолютизма»³¹ — во всех случаях имеется в виду эволюционное развитие, которое продолжало тенденции XVII века. Лишь П. Бушкович, выявивший в венских архивах донесения Гварриента, утверждает, что «в 1699 г. Петр стал править Россией совершенно по-новому»³², и добавляет, что Н.Г. Устрялов в своей публикации этих донесений изъясил места, где говорится о конфликте царя с боярами³³. Но и Бушкович, отметивший резкие, радикальные перемены, не называет эти перемены революцией или переворотом. Почему? Он пишет, что не может ответить на вопрос, являлась ли Дума ограничителем царской власти, поскольку «в России отсутствовала научно-правовая традиция»³⁴. По его мысли, при отсут-

ствии четкой правовой фиксации прерогатив различных властей нельзя сказать, что одна из сторон нарушает эти прерогативы; нельзя сказать, что Петр совершил переворот, потому что в России не существовало конституции.

Это не совсем так. Во-первых, в России существовал Основной закон — Уложение 1649 года, и в Уложении ясно написано, что царь должен править вместе с Думой. А во-вторых, критерии современного «правового общества» неприменимы к реальностям XVII в., когда традиция играла большую роль, нежели писаное право. Согласно этой традиции, царь должен был править вместе с Думой. Лишив Думу ее властных полномочий, Петр I произвел государственный переворот.

Как согласуются эти события с теорией военной революции? В соответствии с этой теорией, создание новой армии требует больших затрат; в этой обстановке монархи пытаются ввести новые налоги и заставляют аристократию поступиться частью своих доходов. Возникающий конфликт между аристократией и монархом решается с помощью военной силы, то есть с помощью новой армии. В аналогичной ситуации в Бранденбурге «Великий курфюрст» поначалу пытался добиться введения налогов через ландтаг, но после нескольких компромиссов прекратил созывать сословия и стал собирать налоги с помощью своих солдат. В Дании под впечатлением военного поражения низшие сословия заключили союз с королем, отняли власть у аристократического риксрода и передали неограниченные полномочия королю. То же самое произошло и в Швеции. В двух последних случаях королевская гвардия стояла как бы на заднем плане, одним лишь своим присутствием заставляя аристократию смириться. Нечто подобное произошло и в России. В соответствии с теорией, создание новой армии вызвало финансовый кризис, и Петр попытался получить деньги от горожан, вместе с тем лишив аристократию части ее власти и доходов. Сопrotивление Боярской думы привело к конфликту, который Петр разрешил с помощью своих преображенцев. Ему потребовалось лишь продемонстрировать силу и приказать публично высечь одного из бояр. После этого Боярская дума утратила свои властные полномочия — ее судьба была такой же, как судьба риксрода в Дании и в Швеции.

Правда, по сравнению с датской и шведской «революциями сверху» российские события имели определенную специфику. Петр сумел обойтись без созыва «рикстага», то есть Земского собора, и не пытался противопоставить Боярской думе низшие сословия. Он разрешил конфликт с помощью военной силы — так, как это, в конце концов, сделал «Великий курфюрст». Таким образом, мы наблюдаем некий «промежуточный вариант»; исторический процесс в России следовал закономерностям «военной революции», но не повторял в точности того, что происходило в других странах.

Государственный переворот не дал Петру того результата, на который он, очевидно, рассчитывал. Царь подписал указ о городском самоуправлении, но не получил ожидаемой финансовой выгоды. Горожане в своей массе не желали приобрести самоуправление ценой уплаты двойных налогов, и в октябре 1699 г. царь был вынужден отменить это обременительное условие. Самоуправление теперь вводилось принудительно, с одной стороны, в целях создания условий для развития торговли и промыслов, с другой — как дань увлечению голландскими порядками. Что же касается финансов, то с улучшением сбора податей поступления в казну от городов возросли с 1100 до 1248 тыс. руб., слишком мало для задуманных свершений³⁵.

Еще две новые небольшие пошлины, гербовая и печатная, были лишь каплей в море. В марте 1700 г. Петр решил последовать примеру своего отца и начал чеканить медную монету. Таким образом, новая регулярная армия, как и при Алексее Михайловиче (и при Густаве Адольфе), создавалась на медные

деньги. После Нарвы, в мае 1701 г., последовал указ о перечеке серебряных денег с увеличением номинала. В 1701 г. эксплуатация монетной регалии дала 792 тыс. рублей³⁶. Это была политика, чреватая инфляцией, но зная о Медном бунте, Петр ограничивал размеры чеканки, и рост цен поначалу был небольшим.

Итак, Петр I произвел государственный переворот, лишил власти боярскую аристократию и приступил к созданию новой армии, но армия создавалась на медные деньги, и такое инфляционное финансирование не могло продолжаться бесконечно. Провести же радикальную финансовую реформу Петр пока не решался. Теория военной революции говорит о том, что создание регулярной армии требует введения новых налогов, что вызывает конфликт между монархией и аристократией. В Дании и Швеции этот конфликт завершился не только потерей аристократией власти, но и ликвидацией ее налоговых привилегий и конфискацией части ее владений. Таким образом, главная реформа Петра Великого была еще впереди.

Идею о том, что совершенный Петром I переворот был генетически связан с созданием регулярной армии, высказывали ранее многие историки. Наиболее ясно эту мысль выразил Н.П. Павлов-Сильванский: «С образованием сильного регулярного войска центральная власть усиливается у нас, как и на западе, и московское патриархальное самодержавие превращается в императорский абсолютизм»³⁷.

Ядро петровской армии составили два регулярных полка, сохранившиеся от войска царя Алексея (Бутырский и Лефортов) и два полка, сформированных из «потешных» (Преображенский и Семеновский). Петр называл Преображенский полк просто «моим полком», в официальных документах он назывался «царский оберегательный полк», а с 1700 г. этот полк (вместе с Семеновским) именовался «лейб-гвардией», то есть «телохранителями» (царя). Преображенцы уже давно играли роль «оберегателей царя», но в окончательном оформлении гвардии, вероятно сказалось влияние шведского образца. О функциях лейб-гвардии (Livgardetiltfot) Петр подробно расспрашивал шведского резидента Книпера и, конечно, знал о том, что шведские дворяне служили в гвардии солдатами наравне с простолюдинами. Кроме того, шведская гвардия не только охраняла короля, но и выполняла функции офицерской школы, а рядовые гвардейцы часто получали назначение офицерами в армейские полки³⁸. Лейб-гвардия была опорой Карла XI, и копирование Петром I этого главного инструмента абсолютизма указывало направление дальнейшего политического развития.

В 1699—1700 гг. фактической резиденцией царя был Генеральный двор в Преображенском, а офицеры Преображенского полка — его ближайшими сотрудниками. Петр считался капитаном этого полка и еще с «потешных» времен поддерживал с солдатами и офицерами дружеские отношения, праздновал вместе с ними, ходил в гости, крестил детей. Позднее, во времена Империи, всякое летнее празднество начиналось с парада гвардии, а потом гвардейцев приглашали к расставленным на лугу столам³⁹. Разумеется, это была отнюдь не бескорыстная любовь, Фоккеродт отмечал, что «Петру I было известно по опыту, какая сильная опора для монархического правления обученное войско»⁴⁰. Недаром жалование гвардейцев было вдвое больше, чем у простых солдат. Некоторые авторы утверждают, что в гвардии служили только дворяне, но это не так, в 1720-х годах простолюдины по происхождению составляли более половины (56%) рядовых гвардейцев и десятую часть офицеров⁴¹.

В мае—июне 1699 г. «московским чинам», стольникам, стряпчим и жильцам, было приказано явиться в Преображенское, где генерал А.М. Головин осматривал их на предмет годности к службе; признанные годными были отданы в учение пехотному строю⁴². Обучение проводилось по новому уставу, написанному Адамом Вейде, причем Петр иногда сам учил рекрутов⁴³. При

этом устав Вейде предусматривал «стрельбу падением»: выстрелив, шеренга «падала» на землю, зачастую в грязь, и, лежа в грязи, заряжала фузеи⁴⁴. Саксонский генерал Ланген писал, что сыновья вельмож определяются в службу рядовыми, что при обучении их не церемонятся и в унтер-офицеры производят только тех, кто исправно исполняет солдатские обязанности⁴⁵. В этом заключалось нечто новое: русские дворяне раньше не служили в пехоте, не испытывали на себе солдатскую муштру и не делали тяжелую работу; все это считалось унижением дворянского достоинства. Многие дворяне пытались уклониться от солдатской службы, давали взятки, чтобы их зачислили в тыловые службы, или симулировали болезни. Петр сам проверял годность дворян к службе, уклонившихся секли плетью, заставляли продавать поместья и отправляли в ссылку в Азов⁴⁶.

Эти перемены были составной частью государственного переворота Петра Великого. Петр не только лишил власти Боярскую думу, как пишет Фоккеродт, царь «всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения никакой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой». Таким образом, основной принцип петровского регулярного государства, возвышение исключительно по заслугам, а не по «породе», проявился сразу после переворота 1698 года. Этот принцип был следствием воспитания Петра и его дружбы с голландскими плотниками и немецкими офицерами; он был подкреплен обычаями военного братства «потешных» и затем усилен впечатлениями, полученными в Голландии. В Москве, так же как в Дании, принцип равенства независимо от происхождения был результатом голландского влияния.

(Окончание следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 36—37.
2. УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1858, с. 576—582.
3. ДРИССЕН Й. Царь Петр и его голландские друзья. СПб. 1996, с. 18.
4. ВОЗГРИН В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л. 1986, с. 68—69; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 186; БОБЫЛЕВ В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990, с. 26.
5. МАРКЕВИЧ В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб. 1994, с. 70, 155; РАЗИН Е.А. История военного искусства. СПб. 1994, с. 490.
6. РАЗИН Е.А. Ук. соч., с. 491; ПУЗЫРЕВСКИЙ А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб. 1889, с. 66.
7. БОБРОВСКИЙ П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб. 1900, с. 336—337, 355—358; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 186; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М. 2004, с. 198.
8. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 3. М. 2007, с. 8; ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 180.
9. КОРЬ И.Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906, с. 80.
10. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 209.
11. Цит. по: там же.
12. КОРЬ И.Г. Ук. соч., с. 100.
13. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4. М. Б.г., с. 187.
14. ПЕРРИ Д. Другое и более подробное повествование о России. — Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР), 1871, № 2, с. 123—151.

15. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 107—108.
16. ПСЗ-1. Т. 3. СПб. 1830, с. 598.
17. КОРБ И.Г. Ук. соч., с. 100, 140, 143.
18. ГРУНД Г. Доклад о России в 1705—1710 годах. М. 1992, с. 126.
19. Там же, с. 137, 138.
20. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Дневниковые записи. В кн.: Рождение империи. М. 1997, с. 311.
21. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Боярская дума Древней Руси. М. 1882, с. 447.
22. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 213.
23. ФОККЕРОДТ И.Г. Россия при Петре Великом. В кн.: Неистовый реформатор. М. 2000, с. 33—34.
24. Там же, с. 32.
25. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 216.
26. ПАВЛЕНКО Н.И. Петр Великий. М. 2010, с. 127.
27. Адриан. — ЧОИДР, 1848, № 8, с. 30—34.
28. A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense. 2000.
29. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 151.
30. ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 107.
31. ТАЛИНА Г.В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М. 2010, с. 143.
32. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 216.
33. Там же, с. 208.
34. Там же, с. 34.
35. МИЛЮКОВ П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 91; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 370—371.
36. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 91.
37. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н.П. Феодализм в древней Руси. М. 1924, с. 155.
38. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 182; БЕСПАЛОВ А.В. Армия Карла XII: организация и военное искусство в 1700—1709 гг. М. 2002.
39. БАССЕВИЧ Г.Ф. Записки. В кн.: Юность державы. М. 2000, с. 180.
40. ФОККЕРОДТ И.Г. Ук. соч., с. 34.
41. БОЛТУНОВА Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. 2011, с. 122, 176; ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 196.
42. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 316.
43. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 193.
44. БОБРОВСКИЙ П.О. Ук. соч., с. 358.
45. Цит. по: УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 348. См. также: БОБРОВСКИЙ П.О. Ук. соч., с. 378.
46. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Ук. соч., с. 319, 325.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С. А. Нефедов

Массовый набор в полки регулярной армии начался в январе 1699 г., когда планировалось набрать 13 700 даточных и 4200 вольнонаемных солдат. Даточных набирали, как во времена Алексея Михайловича, по одному человеку с 25 монастырских и боярских дворов или по человеку с 50 дворов служилых дворян¹. Этот набор предназначался для замены распущенных стрельцов. В ноябре был объявлен наем в солдаты для вольных людей, а затем произведен второй большой набор даточных, но на этот раз предписывалось брать только дворовых людей, причем боярам было приказано представить списки своих холопов. В Преображенском Петр вместе с генералами смотрел холопов по спискам и зачислял годных; если же годных холопов не хватало до положенного по разверстке числа, то бояре платили по 11 руб. за человека². Дж. Перри писал, что «царь... приказал составить список всех лиц, находящихся без должности около боярских домов, и велел отправить их в войско. Это было им весьма не по нутру, и они стали сильно ходатайствовать об изменении этого закона; за многих из людей этих вносили значительные деньги, чтобы избавить их от службы; преимущественно же делалось это в отношении тех лиц из двора, которые сами были настоящие дворяне и находились при этих господах единственно в ожидании повышения»³.

Как уже отмечалось, дворяне имели свои небольшие дружины, состоявшие из «боевых холопов», которых в народе называли «нахалами». В эти дружины входили и дворяне из боярских свит, «знакомцы». Сообщение Перри помогает понять цель, которую ставил перед собой Петр: это не был обычный набор даточных — производилась ликвидация боярских дружин. Отстранив от власти Боярскую думу, Петр решил полностью разоружить бояр и отправить боярских дружинников в свою армию.

Новая армия Петра I создавалась по австрийско-саксонскому образцу. Беря пример с европейских армий, Петр полагал, что настоящими солдатами могут быть только наемники, которым хорошо платят, поэтому он пытался перейти

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2013, № 12; 2014, № 1, 2, 4.

Нефедов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

ти от набора даточных к вербовке добровольцев. Петровский солдат получал 11 руб. в год, вдвое больше, чем прежде получали стрельцы. Кроме того, солдаты получали паек по нормам австрийской армии: два фунта хлеба, один фунт мяса и один гарнец пива в сутки. Неудивительно, что две трети новобранцев 1699 г. составляли добровольцы⁴.

К осени 1700 г. из новобранцев было сформировано 27 полков. Генерал Ланген, видевший русскую армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу: люди все были рослые, молодые, хорошо обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступали немецким полкам⁵. Командирами дивизий («геральтств») были «преображенцы»: Автоном Головин, Адам Вейде и князь Аникита Репнин. Среди командиров полков не было ни одного русского, офицерами тоже были преимущественно иностранцы. Однако этот новый офицерский состав был набран наспех, и Автоном Головин писал Петру, что многие из них были «гуляки великие», некоторые «за мушкет взяться не умели»⁶. В ответ царь распорядился расширить подготовку офицеров в Преображенском. Преображенский полк превратился в центр обучения офицеров новой армии; летом 1700 г. сюда прибыли около трех тысяч дворян, из которых были признаны годными 940 человек⁷.

В 1698—1699 гг. Петр был связан войной с Турцией, и реализация «каспийского проекта» Витсен была отложена на будущее. Однако в сентябре 1699 г. в Москву прибыл посол саксонского курфюрста и польского короля Августа III, который настоятельно призывал царя вступить в союз против Швеции. Август III желал приобрести шведскую Лифляндию, а для Петра, писал король, «всего важнее открыть через Россию торговый путь между востоком и западом с исключительным правом на все выгоды»⁸. Другим важным обстоятельством было то, что пострадавшее от редукции Карла XI лифляндское дворянство обещало открыть ворота Риги — момент для нападения был чрезвычайно удобным, и союзники надеялись закончить войну в два года⁹. После этого, быстро реализовав план Витсена, Петр мог получить деньги, необходимые для финансирования регулярной армии, и, таким образом, обойтись без повышения налогов. Эти аргументы возымели действие, и Петр распорядился ускорить заключение мира с Турцией. Со своей стороны, Витсен писал из Амстердама, что голландскому послу в Константинополе дано указание содействовать заключению мирного договора¹⁰. По некоторым сведениям, царь поручил дьяку Андрею Виниусу заручиться поддержкой Голландии против шведов, но Голландия в то время находилась в союзе со Швецией и в условиях назревавшей войны за испанское наследство не могла расторгнуть этот союз. Впрочем, официальная поддержка Штатов и не требовалась: Ост-Индская компания, президентом которой был Витсен, была «государством в государстве» и могла проводить собственную политику. Очевидно, что во время этой поездки Виниус договорился с Витсеном о поставках в Россию оружия, которое тот впоследствии посылал из Амстердама, несмотря на формальный правительственный запрет¹¹.

В августе 1700 г. русские войска двинулись к Нарве. Однако под Нарвой это состоявшее из новобранцев войско встретилось с лучшей регулярной армией Европы — и потерпело поражение. Наступила очередь России пережить «шведский шок», который в свое время испытали Бранденбург и Дания и который породил в этих странах абсолютизм. Последствия «шведского шока» были повсюду одинаковы: страны, потерпевшие поражение, были вынуждены вводить новые налоги и перераспределять доходы, чтобы восстановить армию. До 1700 г. помещичьи крестьяне платили в казну лишь 5 коп. со двора, в то время как налог на государственных, «черных», крестьян составлял минимум 80 копеек. Крепостные практически освобождались от налогов с тем, чтобы

могли платить своим хозяевам оброк, достигавший 1,5—2 руб. со двора. В 1700—1701 г. Петр I ввел новые подати («драгунскую» и «корабельную»), одинаково распространявшиеся на поместных и государственных крестьян, в сумме они составляли 35 коп. со двора. Поскольку поместные крестьяне составляли подавляющее большинство населения, то прямые налоги увеличились на 310 тыс. руб., то есть в три раза¹². Однако это было только начало: после понесенного поражения Петр чувствовал себя неуверенно и опасался вызвать недовольство дворянства. За поражение пришлось заплатить церкви: указом 30 декабря 1701 г. царь отнял у нее все доходы, оставив на содержание каждого монаха по 10 руб. в год (позднее эта сумма была сокращена до 5 рублей)¹³. Это дало прибавку казенных доходов примерно в 100 тыс. рублей¹⁴. Но основные средства на воссоздание армии были получены путем чеканки медных денег и перечеканки серебряных монет с увеличением номинала¹⁵. Это было временное решение проблемы, которое позволяло отсрочить тяжелые для населения реформы на несколько лет, но избежать дальнейшего повышения налогов было невозможно.

В целом в 1701 г. военные расходы составили 2270 тыс. руб. — в три раза больше, чем во время предыдущей (в 1680 г.) войны с Турцией¹⁶. Такова была цена создания регулярной армии.

В соответствии с диффузионистской теорией военное поражение заставляет государство успешно модернизировать свою военную, экономическую и социальную систему по образцу победоносного противника. «Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы», — писал Ключевский¹⁷. После Нарвы проявилось, на кого мог опереться Петр в трудную минуту. Гордона и Лефорты уже не было в живых, Вейде попал в плен, на первых ролях теперь стояли Ф.А. Головин и А.Д. Меншиков, но они не обладали необходимыми техническими знаниями, чтобы строить мануфактуры. В этой обстановке ярко проявилась роль ближайшего друга и наставника Петра, думного дьяка Виниуса.

«Русский голландец» Андрей Виниус был тем человеком, который прежде выступал в роли наставника Петра и сумел привить ему любовь к мореплаванию и к голландской культуре. Познакомившись с достижениями европейской цивилизации, Петр после возвращения из Европы еще более сблизился с Виниусом, сделал его поверенным своих семейных дел, собирался поручить ему воспитание царевича Алексея и публично выделял его среди своих сподвижников¹⁸. Впрочем, Петр испытывал и некоторые подозрения в отношении связей Виниуса и Витсена, которые тесно сотрудничали в продвижении «каспийского проекта» и вели зашифрованную переписку — впоследствии эта переписка (наряду с доносами недругов) стала причиной отстранения Виниуса от руководства почтой¹⁹.

Вернувшись в Москву после нарвского разгрома, Петр обратился за советом к Виниусу. Главной проблемой была потеря всей полевой артиллерии, без которой было невозможно сдержать ожидавшееся наступление шведов, и Петр поручил Виниусу задачу восстановления артиллерии. Адресованные Петру письма Виниуса показывают всю сложность этой задачи. На Московском пушечном дворе в то время было лишь несколько мастеров, отливавших десятков-другой пушек в год, причем и эти пушки — устаревших моделей, изготовленные с нарушением технологии, «толстобрюхи и кривороты»²⁰. Как и везде, здесь процветало воровство, цены на подрады завывались вдвое, дьяки получали «откаты». Виниус навел порядок в Артиллерийском приказе, но ему удалось найти лишь одного дельного литейщика, Семена Леонтьева, для которого он сам переводил немецкие руководства по литейному делу. Рабочие чертежи для изготовления пушек брали также из немецких изданий, и «бомбардир» Петр

собственноручно их редактировал. Все упиралось в отсутствие меди, которую обычно закупали в Швеции. В этих условиях Петр I поступил рационально, но и кощунственно, приказав снимать колокола с церкви. Однако возможно, что эта идея принадлежала не Петру, а Виниусу, который предлагал идти дальше и снимать кровлю с кремлевских дворцов²¹.

В критической обстановке Петр был готов на все: «Ради бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть», — писал он Виниусу 8 апреля 1701 года²². И Виниус сделал невозможное: за несколько месяцев наладил производство и уже в апреле отправил в войска 80 новых орудий. Всего в 1701 г. в Москве было отлито 243 медных пушки, в том числе 109 трехфунтовых полковых пушек; остальные орудия были более крупных калибров²³. Этого количества было достаточно для полевой армии, но предстояло вооружить еще крепости и флот. В то время как армии требовались легкие медные пушки, в крепостях использовали тяжелые, но намного более дешевые чугунные орудия. Их отливали в Туле и в Карелии; кроме того, Виниус намеревался наладить производство чугунных орудий на основанных им уральских заводах, Каменском и Невьянском: в конце 1701 г. там были задуты первые домны. Однако несмотря на все усилия Виниуса, ему не удалось найти хороших мастеров-литейщиков; отлитые орудия имели многочисленные дефекты. Когда весной 1703 г. в Москву была доставлена первая большая партия уральских орудий (более 300 пушек), многие из них не выдержали испытаний²⁴.

Эта неудача подорвала авторитет Виниуса, который, наводя порядок в Сибири и в Артиллерийском приказе, приобрел много врагов. Обиженные им чиновники нашли союзника в лице Меньшикова, который считал Виниуса соперником в борьбе за власть и за влияние на царя. Меньшикову удалось оклеветать Виниуса, думный дяк был отстранен от своих постов и впал в немилость. Через некоторое время Виниус бежал из России и оказался в Амстердаме, у своего родственника и покровителя Витсена²⁵. Витсен написал Петру письмо о том, что Виниус ни в чем не виноват, что он «печально съедаем толико от двора Величества Вашего ради отлучения и тако заболел»²⁶, и в конечном счете Петр простил думного дяка. Виниусу позволили вернуться в Россию, но он уже не занимал высоких постов и не имел прежнего влияния на царя.

Отставка Виниуса в 1703 г. ознаменовала окончание первого периода петровских реформ — периода, когда реформы проводились под сильным голландским влиянием. В этот период Петр совершил путешествие в Голландию и общился к голландской культуре; он приступил к созданию флота и заставил своих подданных сменить одежду. Виниус, выступавший в роли ближайшего компаньона царя, провел административные реформы в Сибири, основал уральские горные заводы, а также создал Навигацкую школу и заложил фундамент технического образования в России. Эта модернизация по европейскому образцу постоянно наталкивалась на традиционалистскую реакцию. Наиболее ярким проявлением этой реакции было восстание стрельцов; когда стрельцы подняли бунт, их вожаки кричали: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело... а государя в Москву не пустить и убить за то, что сложился с немцами!»²⁷. Астраханское восстание 1705—1706 гг. вынудило Петра пойти на уступки и приостановить в городах Нижней Волги действие указов о бородах и одежде²⁸. В условиях тяжелой войны реформы были отложены, и на первый план вышли чисто военные потребности.

Одной из основных проблем было снабжение солдат оружием. До войны в Туле делали только две тысячи ружей в год²⁹. «Ружье прежде хотя и делано было на Москве и на тульских заводах, однако зело было плохо, на старую маниру, и своих добрых мастеров не имели, и для сей новой войны как ружье, так и амуницию подряжали из Голландии», — говорит один из документов

кабинета Петра Великого³⁰. Заинтересованный в исполнении своего проекта, Витсен всеми силами помогал Петру прорубить окно на Балтику. Корабли с оружием выходили из амстердамского порта по ночам; ящики с фузеями прятали в трюмах под балластным песком³¹. Когда русские овладели Нотебургом и вышли к морю, Петр послал Витсену свой усыпанный бриллиантами портрет, а Витсен ответил царю горячими поздравлениями³². За десять лет (1701—1710) голландцы поставили в Россию 115 тыс. фузеей и фузейных стволов, 88 тыс. фузейных замков, 40 тыс. пистолетов, 141 тыс. шпажных клинков — русская армия была вооружена по большей части голландским оружием³³.

Другая проблема была связана с обучением армии новому линейному порядку. В 1704 г. в Россию приехал приглашенный Петром австрийский фельдмаршал, барон Огильви. По словам К. Манштейна, именно Огильви русские «обязаны первоначальным наведением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте»³⁴. Фельдмаршалу удалось значительно повысить боеспособность русских войск, однако вскоре он столкнулся с не терпевшим соперников Меншиковым. В итоге, в 1706 г. Огильви подал в отставку и уехал из России. Меншиков стал единственным фаворитом; заменив собой «дебошана» Лефорта, он развлекал царя бесконечными кутежами³⁵. Прусский посол Кайзерлинг писал, что ненависть к Меншикову растет день ото дня, что «все знатные люди этой страны тоже очень недовольны, и надо опасаться, что если король Швеции с армией подойдет к самой границе, то может начаться всеобщее восстание»³⁶. Того же мнения придерживался Мартин Нейгебауэр, бывший воспитатель царевича Алексея, бежавший в Швецию после ссоры с Меншиковым. Он писал, что Петр снискал ненависть своих подданных многочисленными нововведениями — новым платьем, брандобритием, неуважением к духовенству, и советовал Карлу XII идти прямо на Москву³⁷.

Недовольство было связано не только с чужеземными новшествами, но и с возвысившимися налогами. Согласно теории военной революции, потребность в финансировании новой армии заставляет монархов увеличивать налоги и перераспределять доходы, отнимая их у дворянства. В 1710 г. военные расходы достигли 3158 тыс. руб., увеличившись в полтора раза по сравнению с 1701 годом и в 4,5 раза — по сравнению с 1680 годом³⁸. Чеканку медных денег из-за инфляции пришлось сократить; для пополнения казны остался один способ: чрезвычайные военные налоги. В 1710 г. в Архангельской губернии крестьяне платили по 1 руб. 30 коп. чрезвычайных налогов со двора, при том что обычные налоги с помещичьих крестьян составляли 52 коп., а с государственных — 1 руб. 42 копейки³⁹. Таким образом, помещичьи крестьяне платили 1 руб. 82 коп. налогов, в то время как раньше, до 1700 г., они платили лишь 5 копеек! Позднее обязанность помещичьих крестьян платить государственные налоги была закреплена введением подушной подати — это и была главная финансовая реформа Петра I.

Крестьяне лишь с большим трудом справлялись с выплатой налогов, и из-за их оскудения помещики часто недобирали оброк. Между тем расходы дворян значительно возросли, так как их служба стала постоянной. «Если добавить к этим трудностям тяжелые контрибуции (чрезвычайные налоги. — *С. Н.*) и другие невзгоды, то русский дворянин теперь не имеет и двадцатой доли того, чем владел до начала войны», — утверждал Ларс Эренмальм⁴⁰. Петр не отнял у дворян земли, как это сделал Карл XI в Швеции, но, подобно Фредерику III Датскому, он резко сократил налоговые привилегии дворянства. Сверх того, оставив дворянам право на крестьянские оброки, царь, однако, за сохранение этих уменьшившихся привилегий возложил на них обязанность нести постоянную военную службу начиная с самых низших должностей. По свидетельству датского посла Грунда, «князья и бояре» были до крайности недоволь-

ны тем, что Петр «забирал их сыновей в армию рядовыми или посылал в Англию и Голландию служить в матросах»⁴¹.

Мало того, поступая на службу в армии рядовыми, дворяне уравнивались в положении с крепостными рекрутами. А рекруты из крестьян — это были зачастую не просто крестьяне, а те пьяницы, воры, разбойники, которых крестьянская община отправляла в армию с тем, чтобы освободиться от них. Перспектива выйти в офицеры улыбалась не ранее, чем через 5—6 лет службы, причем нужно было доказывать перед лицом «холопов» свое превосходство в военных навыках⁴². Иногда это не получалось. Дворяне надолго запомнили эту «демократизацию» Петра I. Полвека спустя князь М.М. Щербатов возмущался тем, что «вместе с холопами... писали на одной стелени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам... доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками»⁴³.

Недовольство усилилось как у дворян, так и среди простого народа, и Петр чувствовал себя неуверенно. Положение спасла победа под Полтавой. Карл XII недооценил силы новой русской армии, которая была обучена немецкими офицерами, за время долгой войны приобрела боевой опыт и к тому же обладала большим численным превосходством. «Эта победа невероятно усилила власть русского царя, — писал Бушкович. — Подобно большинству монархов начала Нового времени, он ничем не мог надежнее укрепить свой трон и престиж, чем решительной военной победой»⁴⁴. Так же как Фридрих-Вильгельм I и Карл XI, Петр I стал «монархом-полководцем» (*Kriegsherr*), который вознесся благодаря славе своих побед. Победа заставила смириться аристократическую оппозицию и примирила с царем часть дворянства. Тяготы военной службы окупались почестями и трофеями: так же как любая армия того времени, петровская армия жила за счет военных трофеев; взятые штурмом города нередко подвергались разграблению, а поработанных пленников продавали на рынке⁴⁵. При этом царь особенно заботился о том, чтобы трофеи достались и солдатам, поэтому офицерам категорически запрещалось отнимать добычу у своих подчиненных⁴⁶.

К 1709 г. Петр I стал самодержавным монархом, власть которого была абсолютной и неограниченной. До какой степени может дойти самовластие, можно понять из того, что Петр I иногда обращал в шутов прежних правителей России, бояр⁴⁷. «Его величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен», — гласил 20-й артикул Воинского устава⁴⁸. Мало того, что Монарх не должен никому давать ответ, в реальности петровское самовластие сводилось к тому, что царь был *вынужден* управлять единолично. В беседе с датским послом Юстом Юлем, Петр как-то посетовал на то, что «в важных делах почти что не имеет помощников, [вследствие чего] поневоле заведует всем сам»⁴⁹. «Петр принимал свои решения сам и ни с кем не советовался», — подтверждает Бушкович⁵⁰.

Царь стал абсолютным монархом, однако управленческий механизм остался допотопным — это была старинная система приказов. В этой системе дьяки и воеводы получали плату «от дел» и могли, занимаясь вымогательством, сколько угодно «волочить» эти дела. «На этих людей смотреть иначе и нельзя, как на хищных птиц, — писал ганноверский резидент Генрих Вебер, — которые думают, что со вступлением в должность им в то же время предоставлено право высасывать крестьян до костей и на их разорении устраивать свое счастье. Поэтому-то какой-нибудь писец, хотя у него, при определении на место, всего имущества едва хватало на покрытие нагого тела, в четыре или пять лет так разживается, что там, где бегут крестьяне, он скорехонько выстраивает себе каменные палаты, которых, разумеется, он не мог возвести из своего жалованья... А так как высшие чины поступают не лучше и также желают получать свою часть незаконных поборов, как и подчиненные их, то вся страна оказыва-

ется в таком положении, что когда в самые тяжелые годы ни один двор не обязан был платить царских податей более 6 или 7 рублей, крестьянин вынужден был платить 13 и часто даже 15 рублей в год»⁵¹.

С началом войны положение стало хуже, чем прежде, так как многообразие способов взимания чрезвычайных налогов давало большие возможности для злоупотреблений и соблазн наживы оказался слишком силен даже для ближайших сотрудников Петра. «Такое угнетение страны продолжалось довольно долгое время, — свидетельствует Вебер, — отчасти потому, что сам царь мало бывал внутри государства своего, а отчасти и оттого, что не было никого, кто бы захотел открыть правде глаза и оскорбить вельмож, которые были в это замешаны. Наконец нашелся человек, который бедствия страны принял к сердцу ближе собственной опасности и отважился эти злоупотребления открыть царю... Это дало повод к огромному следствию, которое в начале 1715 года в Петербурге поручено было ведению... генерала Василия Долгорукого. В нем замешаны были все знатные лица государства: генерал-адмирал Апраксин, князь Меншиков, петербургский вице-губернатор Корсаков, обер-адмиралитетсгер Кикин, первый комиссар адмиралитета Синявин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, двое из Сенатской коллегии: князь Волконский и Апухтин, и бесчисленное множество царских чиновников второго и третьего чинов»⁵².

Было создано шесть «майорских канцелярий» — военных трибуналов, возглавляемых гвардейскими майорами. Эти трибуналы занимались расследованием злоупотреблений и судили сановных казнокрадов. Как в прежние времена, Петр пытался управлять страной с помощью своих верных преобразенцев. «Таким образом в России дошло до того, что какой-нибудь почтенный член Сената, из важнейших родов государства, должен был являться перед лейтенантом и давать ему объяснения и ответы»⁵³. Указ, изданный 25 января 1715 г., приравнял казнокрадство к государственной измене⁵⁴. Петр рассматривал вскрышеся воровство как измену ему лично. «Не знаю, кому теперь верить, все задумано, чтобы меня погубить, кругом одни предатели», — говорил он прусскому послу Мардерфельду⁵⁵. Иностранные дипломаты отмечали, что царь долгое время пребывал в угнетенном состоянии, но в конце концов решил отказаться от массовых казней — вместо этого он взялся за полное преобразование системы государственного управления⁵⁶.

Когда ресурсы оказываются исчерпанными, учит теория военной революции, приходит время совершенствовать административную и финансовую систему государства. Именно в этой обстановке Густав Адольф и Фредерик III создавали основанную на коллегиальном принципе систему военно-бюрократического управления. Коллегиальное принятие решений с открытым и протоколируемым обсуждением препятствовало развитию коррупционных влияний. Кроме того, совместное обсуждение способствовало выработке компетентных распоряжений. Андрей Остерман, один из ближайших советников Петра, комментировал принцип коллегиальности следующим образом: «Суть тут изрядно проступается... что один не ведает или не понимает, другой объявит, и общими советами учинить могут»⁵⁷.

История введения коллегиального управления в России досконально изучена, и основные действующие лица этой реформы хорошо известны⁵⁸. «Кто же были те иноземцы, советам которых следовал Петр, вводя коллегиальное управление?» — спрашивал Э.Н. Берендтс и отвечал: «Уже давно известно, что таковыми были великий философ Лейбниц и... голштинiec Генрих Фик»⁵⁹. Главную роль, конечно, играл авторитет Лейбница. Петр познакомился с великим философом в 1711 г. в Торгау; после этого они встречались еще четыре раза и провели в беседах много дней. Один из главных советов Лейбница заключался во введении коллегий, позволяющих установить слаженную работу

различных ведомств: «Ибо яко в часах одно колесо другим движется, тако и в больших статских часах один Коллегиум другим двигаться имеет» — так перевели московские писцы знаменитую фразу из письма Лейбница⁶⁰. Создание четко работающего административного механизма было одной из первостепенных задач военно-бюрократической монархии. Зная, что эта задача была уже решена в Швеции, Петр I послал туда Генриха Фика, и тот с риском для жизни раздобыл регламенты шведских коллегий, перевел их на русский язык и представил царю⁶¹. Однако Петр не удовлетворился этим, он сам взялся за дело: во время пребывания в Дании он собственноручно переписывал правила датских коллегий, а во Франции детально познакомился с французским административным устройством⁶². Шведский резидент с удивлением писал из Голландии, что «царь прилежно собирает всевозможные регламенты... общественных учреждений, которые им часто посещаются, и с большим вниманием все изучает... На заданный ему вопрос: «К чему он собирает упомянутые регламенты?» Он будто бы отвечал: «Чтобы убедиться, в чем я ошибался и постараться исправить»⁶³. Более того, царь приказал переводить для него современные государственно-правовые трактаты. Любимым его пособием стал перевод книги Пуфендорфа «О должности человека и гражданина», который он с похоронной серьезностью читал вслух на светских вечерах⁶⁴. Должно быть, Петр зачитывал и то место, где Пуфендорф писал, что даже бедный простолюдин в Китае мог получить высокий пост, продемонстрировав свои знания⁶⁵.

В конечном счете Петр I решил создать коллегии по шведскому образцу⁶⁶. Одним из вопросов, особенно интересовавших Петра при введении коллегиального управления, был вопрос о том, следует ли предоставить молодым дворянам привилегии при поступлении на службу. Петр спросил у Генриха Фика, как решается этот вопрос в Швеции, и Фик дал на это классический ответ: «Порядок и манера, которыми молодое шляхетство к государственным службам и пристойным поступкам с молодых лет способно чиниться, состоит главнейше в воспитании сходно состоянию, в добром и благовременном обучении»⁶⁷. То есть дворяне могут передавать свое высокое положение, обеспечивая своим детям соответствующее воспитание и образование — и нет нужды в каких-либо законодательных привилегиях. Такой вывод вполне совпадал с принципом Петра I: «дворянство по годности считать»⁶⁸. Это означало, что «годный» простолюдин может стать дворянином, что старые понятия о «достоинстве» уже не соответствуют реальности и необходима «табель о рангах». Остерман, которому было поручено составить проект «табели», взял за образец соответствующий датский регламент, в котором дворянство давалось чиновникам начиная с третьего ранга. В последнем варианте проекта Остерман предложил давать дворянство чиновникам и офицерам начиная с шестого ранга. «Все служители российских или чужестранных, которые в шести первых рангах находятся... в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и аванжавах равно почтены быть», — гласил 10-й пункт табели в проекте Остермана⁶⁹. Петр собственноручно зачеркнул «шести» и написал «осьми», то есть предложил давать дворянство начиная с восьмого ранга⁷⁰. Позднее он включил в табель еще один пункт (ставший 14-м): «Кто из нижних чинов и каких-нибудь, кроме дворянства, произведен будет за службу до обер-офицерства, то есть до прапорщика... то оные и дети и наследники их имеют почтены быть дворянским достоинством»⁷¹. Таким образом, дворянином становился любой простолюдин, заслуживший первый офицерский чин. В то же время дворянство без заслуг теперь почти ничего не стоило: в новой системе управления имели значение только чины и ранги, а ранг можно было приобрести только за заслуги. «Однако ж мы для того никому какова ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут», — гласила 8-я статья «Табели».

В действительности «Табель о рангах» была лишь документальным оформлением принципов, которым уже давно следовал Петр I. «Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению или фамилии, но в каждом случае выдвигал за заслуги даже самых худородных плебеев», — писал Питер Брюс⁷². Австрийский посол Отто Плейер удивлялся эффективности этих методов: «Царь... храбрых офицеров не оставляет богатыми подарками и изъявлениями милости, а трусливых тяжелою опалой, большими наказаниями и упорным нерасположением: такими средствами он внушил большинству русских господ самолюбие и соревнование»⁷³. Принцип повышения по заслугам воспринимался как удивительное открытие, и историки пишут о демократизации дворянства и о романтическом ореоле петровской эпохи⁷⁴. Но и китайские философы, на которых ссылались Пуфендорф и Х. Вольф, много писали о чудодейственной эффективности этого принципа⁷⁵.

Принцип повышения по заслугам был одним из основных принципов «регулярного государства», которое собирался построить Петр. Другим важным принципом было государственное регулирование. Теория государственного регулирования была разработана в трудах немецких камералистов, и, как писал Марк Раев, регламенты Петра I «являлись не чем иным как прямым копированием и переводом более ранних немецких административных правил»⁷⁶. В действительности при создании коллегий Петр переводил и копировал шведские регламенты, а влияние немецкого камерализма было более опосредованным. Тем не менее его можно заметить, например, в «Регламенте главному магистрату», где сказано, что, помимо охраны общественного порядка, полиция «принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, препятствует дороговизне, запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения, призывает нищих, бедных, больных... воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках»⁷⁷. Таким образом, Петр заботился об «общем благе» с помощью полицейских предписаний — так же, как позднее это делали другие последователи немецкого камерализма, Фридрих Великий и Иосиф II Габсбург.

Однако в одном вопросе Петр I пошел гораздо дальше просвещенных монархов того времени. Русский царь не зря проводил дни и недели в беседах с Лейбницем. И Лейбниц не из праздного любопытства долго искал возможности познакомиться с Петром I. Для Лейбница коллегия и полиция были лишь средствами достижения цели, а цель подразумевала нечто неизмеримо большее: достижение всеобщего блага путем развития наук и искусств. «Я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширных государствах его величества... — писал Лейбниц Петру I. — Истинной целью науки состоит блаженство людей»⁷⁸. «Науки и искусства составляют настоящие сокровища человеческого рода, ибо посредством их искусство превозмогает природу... Я не находил только могущественного государя, который достаточно бы интересовался этим. Я надеюсь, что нашел такового в Вашем Величестве»⁷⁹.

Превозмочь природу, созданную Господом Богом, — это был неслыханный и дерзкий замысел. Он мог исходить только от великого ученого, который мог гордиться тем, что открыл законы природы. И теперь этот великий ученый предлагал великому монарху «план преобразования природы» в целях достижения «блаженства людей», притом план очень прагматичный и понятный любому непосвященному. По Лейбницу, необходимо было начать с издания технических руководств, которые содержали бы новейшие научные достижения в каждой отрасли и служили бы пособиями в создаваемых школах и университетах. Нужно было организовать Академию наук с лабораториями по механике, физике, химии, которые получали бы новые знания и указывали пути их практического применения. В задачу Академии входила также организация научных географических, этнографических и геологоразведочных экспеди-

ций. Берг-коллегия, которой подчинялись заводы и мануфактуры, должна была создавать новые производства и внедрять новые технологии. И, наконец, особая Коллегия наук должна была объединять всю деятельность по развитию и распространению научных достижений⁸⁰.

Лейбниц был поражен реакцией Петра: «Я не могу довольно удивиться живости и уму этого великого государя. Он со всех сторон собирает вокруг себя сведущих людей, и когда он с ними говорит, они совершенно поражены: с таким пониманием их дела он ведет с ними речь. Он осведомляется о всех механических новшествах, но главный его интерес основывается на всем, что относится к мореплаванию»⁸¹. Дело в том, что план Лейбница имел много общего со старой мечтой Петра — «сделать из России Голландию». Разница, однако, состояла в том, что Голландия развивалась сама собой, а Петр намеревался преобразовать Россию с помощью абсолютной власти — современные социологи называют это «диктатурой развития»⁸².

Следуя рекомендациям Лейбница, Петр I организовал перевод экономических и технических пособий, в том числе пособий по сельскому хозяйству⁸³. На базе Навигацкой школы была организована Морская академия — первый технический университет. «В целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына или другого родственника... — писал Вебер, — поэтому в Петербурге встречаешь этих молодых новобранцев из всех уголков и мест России»⁸⁴. Царь заставил учиться инженерному делу даже офицеров Преображенского полка⁸⁵. «Генерал-майор Геннинг отправился в Германию, Францию и Италию, чтобы... приобретать рисунки всякого рода полезных и любопытных машин и заказать там и постройку моделей с этих рисунков»⁸⁶. Петр пригласил Христиана Вольфа возглавить создаваемую Академию наук, и хотя Вольф отказался, он уговорил отправиться в Россию некоторых знаменитых ученых, в том числе Леонарда Эйлера.

Десятки указов Петра I были посвящены привлечению западных мастеров, созданию новых мануфактур и основанию заводов. «Можно без преувеличения утверждать, — отмечает Анисимов, — что в первой четверти XVIII в. в России произошел резкий экономический скачок, равный по значению и последствиям индустриализации советского периода»⁸⁷. Но более всего Петра интересовали географические проекты Лейбница: исследование новых земель и поиск путей в Китай и в Индию. По существу, это был все тот же план Витсена: ведь Витсен и Лейбниц были знакомы и делились своими идеями. Мираж Востока стоял перед глазами Петра даже в разгар Северной войны. «Он говорил о намерении потом начать войну с Персией, — писал в 1710 г. Грунд, — чтобы отнять у этого государства провинцию Гилян, расположенную на Каспийском море и отделенную от Персии большими горами... Тем самым он с лихвой возместил бы все расходы войны, ведь эта страна одного только шелка дает 3 тыс. тюков в год, а тюк продается в Амстердаме по цене до 800 ригсталеров»⁸⁸.

Экспедиции на Каспийское море и на поиски «реки в Индию» отправлялись одна за другой, а в 1719 г. была отправлена первая экспедиция для разыскания морского пути в Китай⁸⁹. Прорубив окно на Балтику и заключив мир со шведами, Петр приступил к реализации «каспийского проекта». В 1723 г. он направил войска в Персию и захватил «шелковую» провинцию Гилян. Голландским купцам было направлено приглашение открыть шелковую торговлю через Россию и обещана «всякая возможная помощь». Разрабатывались планы завоевания Закавказья, организовывались новые экспедиции по поиску дороги в Индию. «Петр был полон оптимизма, он считал, что стоит у ворот сокровищницы Азии»⁹⁰.

Однако внезапно все кончилось. 28 января 1725 года Петр Великий умер.

- Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».
1. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И.А. Дневниковые записи. В кн.: Рождение империи. М. 1997, с. 312.
 2. Там же, с. 319, 323—324; БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 3. М. 2007, т. 4, с. 193.
 3. ПЕРРИ Д. Другое и более подробное повествование о России. — Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1871, № 2, с. 130—131.
 4. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958, с. 22, 23; ЛЕОНОВ О.Г., УЛЬЯНОВ И.Э. Регулярная пехота. 1698—1801. М. 1995, с. 50; ПСЗ-1. Т. 5. № 3006, с. 317.
 5. Цит. по: УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1858, с. 348.
 6. Цит. по: там же, с. 365.
 7. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., т. 4, с. 197.
 8. УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 333.
 9. БОБЫЛЕВ В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990, с. 32.
 10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 50, оп. 1, д. 7, л. 3об.
 11. ВОТЕРБЛОЕМ К. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641—1716. London. 2013, p. 186.
 12. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 107, 108, 118.
 13. ПСЗ-1. Т. 3. № 1886, с. 181.
 14. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 114, 118; БУЛЫГИН И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М. 1977, с. 74—77, 103.
 15. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 91.
 16. Там же, с. 76, 120.
 17. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Ч. 4. М. 1937, с. 63.
 18. ВОТЕРБЛОЕМ К. Op. cit., p. 184—185; ЮРКИН М.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641—1716. М. 2007, с. 222.
 19. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII в. Канд. дисс. М. 2000, с. 97—98.
 20. МИЛЮКОВ С.Г. Неизвестное письмо А.А. Виниуса к Петру Первому. — Документ. Архив. История. Современность, 2010, вып. 10, с. 261.
 21. Там же, с. 260—262; МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк, с. 91—94; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., т. 4, СПб. 1863, с. 70—72; ХМЫРОВ М.Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единомдержавии Петра Первого (1696—1725). — Артиллерийский журнал, 1865, № 10, с. 615—616.
 22. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб. 1887, с. 258.
 23. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 382.
 24. МИЛЮКОВ С.Г. Думный дьяк, с. 186—217.
 25. Там же, с. 222—251; ВОТЕРБЛОЕМ К. Op. cit., p. 193—194.
 26. РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 9 (1708 г.), л. 3.
 27. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 7. М. 1991, с. 545.
 28. БУШКОВИЧ П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб. 2008, с. 249.
 29. ГАМЕЛЬ И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1828, с. 29.
 30. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 21.
 31. KONINGSBRUGGE VAN H. In war and peace: the Dutch and the Baltic in early Modern times. — Tijdschrift voor Skandinavistiek, 1995. vol. 16, № 2, p. 194—195.
 32. РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 8 (1703 г.), л. 2.
 33. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. 1996, с. 225.
 34. МАНШТЕЙН К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону. 1998, с. 405.
 35. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 240, 242.
 36. Цит. по: там же, с. 239.
 37. Цит. по: там же, с. 263.
 38. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 141.
 39. Там же, с. 141, 210.
 40. ЭРЕНМАЛЬМ Л.Ю. Описание города Петербурга вкуче с несколькими замечаниями. В кн.: БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 95.
 41. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 287.
 42. ВОЛКОВА И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России. — Вопросы истории, 2006, № 3, с. 40.
 43. О повреждении нравов в России князя М. Шербатова и Путешествие Радищева. М. 1983, с. 27.
 44. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 295.

45. ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 188—189.
46. ПСЗ-1, т. 5, № 3006, с. 351.
47. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 91.
48. ПСЗ-1, т. 5, № 3006, с. 325.
49. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 180.
50. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 341.
51. ВЕБЕР Ф. Записки Фридриха Вебера о Петре Великом. — Русский архив, 1872, с. 1136—1137.
52. Там же, с. 1121—1122.
53. Там же, с. 1430.
54. ПСЗ-1, т. 5, № 2877.
55. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 383.
56. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1110; ФОККЕРОДТ И.Г. Россия при Петре Великом. В кн.: Неистовый реформатор. М. 2000, с. 36.
57. РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 16, л. 51об.
58. PETERSON C. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Stockholm. 1979.
59. БЕРЕНДТС Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб. 1891, с. 4.
60. ВОСКРЕСЕНСКИЙ Н.А. Законодательные акты Петра I. М.—Л. 1945, с. 279.
61. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Генрих Фик и его участие в реформах Петра Великого. В кн.: Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк. 2000, с. 5—18.
62. БАГГЕР Х. Реформа Петра Великого в России. В кн.: Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М. 1999, с. 121—155.
63. Извлечения из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса (Preis) о пребывании Петра Великого в Голландии. — ЧОИДР, 1871, № 2, с. 4—5.
64. БАГГЕР Х. Ук. соч., с. 138.
65. DEMEL W. China in European political thought, 1570—1750. In: China and Europe: Images and influences in 16th—18th centuries. Hong Kong. 1991, p. 55—57.
66. ПСЗ-1, т. 5, № 3197, с. 564.
67. РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 18, л. 6.
68. ПСЗ-1, т. 7, № 4589.
69. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 1, ч. 1, д. 37, л. 391об.
70. Там же.
71. Там же, ф. 370, оп. 1, д. 17, л. 4об.
72. БРЮС П.Г. Из «Мемуаров». В кн.: БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 184.
73. ПЛЕЙЕР О.А. О нынешнем состоянии государственного управления в России. В кн.: Лавры Полтавы. М. 2001, с. 399.
74. ВОЛКОВА И.В. Ук. соч., с. 41; БАГГЕР Х. Ук. соч., с. 147.
75. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). М. 1993, с. 185—186.
76. РАЕВ М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме. В кн.: Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара. 2000, с. 61.
77. ПСЗ-1, т. 6, № 3708.
78. Цит. по: ГЕРЬЕ В. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб. 2008, с. 648.
79. Там же, с. 702.
80. Там же, с. 648, 690—691.
81. Там же, с. 751.
82. ДЕРЛУГЬЯН Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. 2013, с. 55.
83. ЛЬВОВ А.Н. Попытки Петра I к распространению среди русского народа научных и сельскохозяйственных знаний. — ЧОИДР, 1892, № 1, с. 1—8.
84. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1415.
85. РГАДА, ф. 9, отд. 1, оп. 2, ч. 2, д. 55, л. 40—41.
86. ВЕБЕР Ф. Ук. соч., с. 1691.
87. АНИСИМОВ Е.В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 121.
88. ГРУНД Г. Доклад о России в 1705—1710 годах. М. 1992, с. 145.
89. ПСЗ-1, т. 5, № 2993, № 3205, с. 207.
90. АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 428.